

ЖУАЗЕЛЬ.

Пьеса въ пяти дѣйствіяхъ.

Переводъ В. Горской.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

МЕРЛИНЪ.

ЛАНСБОРЪ, сынъ Мерлина.

ЖУАЗЕЛЬ.

АРИЭЛЬ, духъ, подвластный Мерлину, невидимый для
другихъ дѣйствующихъ лицъ.

Дѣйствіе происходитъ на островѣ Мерлина.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ГАЛЛЕРЕЯ ВО ДВОРЦѢ МЕРЛИНА.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Мерлинъ и Аріэль.

Мерлинъ стоитъ около Аріэль, которая спитъ на ступеняхъ мраморной лѣстницы. Ночь.

Мерлинъ. Ты спишь, моя Аріэль, ты, моя внутренняя сила, скрытое могущество, которое дремлетъ въ каждой душѣ и которое только я одинъ сумѣлъ пробудить въ себѣ... Ты спишь, моя маленькая послушная фея, и твои распустившіяся волосы, невидимые для людей, подобно голубой дымкѣ сливаются съ луннымъ свѣтомъ, съ благоуханіемъ ночи, съ сіяніемъ звѣздъ, съ осыпающимися розами, съ волнами лазури, чтобы напомнить намъ, что насъ ничто не раздѣляетъ отъ всего существующаго, и что наша мысль не знаетъ, гдѣ начинается свѣтъ, на который она надѣется, или гдѣ кончается тѣнь, отъ которой она старается скрыться... Ты глубоко спишь, и во время твоего сна я теряю всю мою мудрость и становлюсь равенъ моимъ слѣпымъ братьямъ, которые не знаютъ, что на свѣтѣ существуетъ столько же скрытыхъ боговъ, сколько трепещущихъ сердецъ... Увы, для нихъ я духъ, отъ котораго надо бѣжать,

злой чародѣй, который заключилъ союзъ съ ихъ врагами... У нихъ нѣтъ враговъ, у нихъ есть только подданные, которые не находятъ своего повелителя... Они убѣждены, что моя тайная сила, которой повинуются растенія и свѣтила, вода, камень и огонь, и передъ которой будущее приподнимаетъ иногда свою завѣсу; они убѣждены, что эта новая и въ то же время свойственная челоуѣку сила скрыта въ любовныхъ напиткахъ, въ заклинаніяхъ, въ волшебныхъ травахъ, ужасныхъ знакахъ... — Нѣтъ, она заключается во мнѣ такъ же, какъ и въ нихъ, и она скрыта въ тебѣ, моя нѣжная Аріэль, въ тебѣ, скрытой во мнѣ... Я нѣсколько смѣлѣе вступилъ въ окружающій насъ мракъ. Я сдѣлалъ немного раньше то, что они сдѣлаютъ поздиѣе... Все будетъ имъ подвластно, когда они сумѣютъ вызвать къ жизни твою добрую волю, какъ вызвалъ ее я... Но напрасно сталъ бы я имъ говорить, что ты дремлешь здѣсь, и показывать на твою ослѣпительную прелесть, они не увидали бы тебя... Надо, чтобы каждый позналъ тебя въ самомъ себѣ. Надо, чтобы каждый заглянулъ, какъ я, во мракъ своей жизни и пробудилъ тебя, какъ я... Наклоняется надъ Аріэль и цѣлуетъ ее.

Аріэль, пробуждаясь. Повелитель!..

Мерлинъ. Настало время, Аріэль, когда любовь должна бодрствовать... Я часто буду нарушать твой сонъ...

Аріэль. Мой сонъ былъ такъ продолжителенъ, что я постоянно погружаюсь въ него, но я чувствую себя сильнѣе и счастливѣе каждый разъ, когда твоя мысль пробуждаетъ меня...

Мерлинъ. Куда ведешь ты моего сына и когда я снова увижу его?

Аріэль. Я слѣдила за нимъ во время моего чуткаго сна... Онъ приближается къ намъ... Онъ думаетъ, что заблудился, а судьба ведетъ его туда, гдѣ его ждетъ счастье...

Мерлинъ. Узнаетъ ли онъ меня?.. Уже много лѣтъ живемъ мы вдали другъ отъ друга, подчиняясь предначертанному испытанію. И я горю желаніемъ обнять его, какъ въ дни его дѣтства.

Аріэль. Нѣтъ, судьба должна свободно идти своимъ путемъ, и пусть любовь отца, о существованіи котораго онъ не долженъ знать, не вліяетъ на испытанія...

Мерлинъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ Жуазель живетъ здѣсь, съ нами, съ тѣхъ поръ, какъ онъ приближается къ ней, прояснилось ли будущее?.. Видишь ты что-нибудь дальше?..

Аріэль, смотря на море и ночь, въ нѣкоторомъ экстазѣ. Я вижу то, что видѣла съ первыхъ же минутъ... Судьба твоего сына вся заключена въ кругу любви. Если онъ полюбитъ, если онъ будетъ любимъ любовью высшей, какой должна бы быть любовь всѣхъ людей, но которая встрѣчается такъ рѣдко, что кажется имъ ослѣпительной и безумной; если онъ полюбитъ и будетъ любить любовью наивной и въ то же время ясновидящей, любовью простой и чистой, какъ горный ручей, и такой же могучей, какъ онъ; любовью героической и болѣе нѣжной, чѣмъ цвѣтокъ, любовью, которая беретъ все и отдаетъ еще больше, чѣмъ беретъ, которая никогда не колеблется, никогда не ошибается, которую никто не смущаетъ и не пугаетъ, которая понимаетъ и видитъ только таинственное счастье, незримое для другихъ, и находитъ его всюду, какъ бы ни было оно скрыто, и не смотря ни на какія испытанія, и

съ улыбкой идетъ даже на преступленіе, чтобы завоевать его... Если онъ добьется этой любви, гдѣ-то существующей и ожидающей его въ сердцѣ, которое, мнѣ кажется, я узнала, жизнь его будетъ дольше, прекраснѣе и счастливѣе жизни другихъ людей. Но если онъ не добьется ея до конца мѣсяца, когда кругъ замыкается, если любовь Жуазель, не та, которую будущее посылаетъ ему съ высоты небесъ, если пламя не достигнетъ высшихъ своихъ предѣловъ или позволить сомнѣнію и раскаянію затемнить себя, смерть одержитъ верхъ и твой сынъ погибнетъ...

Мерлинъ. Да—часть любви самый важный часть въ жизни каждаго человѣка.

Аріэль. Для Лансеора, увы, этотъ часъ безжалостенъ... Въ эти дни онъ коснется вершины своей жизни. Онъ ошупью прикоснется къ счастью и могилѣ... Вся его жизнь зависитъ отъ его послѣдняго шага и отъ того, какъ поступитъ предназначенная ему дѣвушка.

Мерлинъ. А если не Жуазель назначена ему судьбой?..

Аріэль. Боюсь, что испытаніе, которое мы ему приготовили, единственное, которое предназначаетъ ему сама судьба... Но человѣкъ никогда не долженъ терять мужества, что бы его ни ожидало...

Мерлинъ. Зачѣмъ же подвергать его испытанію, если мы въ немъ не увѣрены?..

Аріэль. Если мы не подвергнемъ его испытанію, это сдѣлаетъ сама судьба. Она неизбежна, но подчинена случаю, и поэтому я пытаюсь направить ея путь...

Мерлинъ. А если онъ полюбитъ Жуазель и самъ не сумѣетъ пробудить въ ней любви, какой требуетъ судьба?..

Аріэль. Тогда мы вмѣшаемъ болѣе дѣятельно.

Мерлинъ. Какъ?

Аріэль. Я постараюсь...

Мерлинъ. Умоляю тебя, Аріэль... Онъ гораздо дороже мнѣ, чѣмъ я самъ... Онъ мой единственный сынъ, и мы знаемъ, что онъ можетъ быть тѣмъ, чѣмъ я никогда не буду... Неужели же невозможно проникнуть въ будущее хотя бы необычнымъ, отчаяннымъ усиліемъ, вступить въ борьбу со временемъ и вырвать у годовъ—хотя бы они отомстили намъ обоимъ — тайну, которую они такъ ревниво охраняютъ и въ которой заключается нѣчто большее, чѣмъ наша собственная жизнь и наше счастье?..

Аріэль. Нѣтъ, мои усилія напрасны, я не могу проникнуть дальше... Будущее это—міръ, ограниченный нами самими, и въ немъ мы можемъ видѣть только то, что касается насъ самихъ, и иногда, случайно, то, что относится къ тѣмъ, кого мы больше всѣхъ любимъ... Я вижу ясно все, что происходитъ вокругъ Лансеора, пока его путь не перекрещивается съ путемъ Жуазель. Но будущее Жуазель скрыто отъ насъ завѣсой. Это блестящая завѣса, покрывало, сотканное изъ свѣта, но оно скрываетъ будущее такъ же глубоко, какъ завѣса, сотканная изъ мрака... Она прерываетъ жизнь. Далѣе, за этой завѣсой, я снова вижу счастье и смерть, которыя ждутъ, какъ два гостя—равноправные, равнодушные, непроницаемые. Я не могу сказать, кто изъ нихъ ближе, кто могущественнѣе... Мнѣ не дано знать, предназначена ли ему судьбой Жуазель... Все какъ будто говоритъ, что это она, но ничто не подтверждаетъ этого... Лицо ея обращено къ грядущимъ годамъ... И я тшето взываю къ ней всей моей силой,—она не отвѣча-

еть и не оборачивается. Ничто не въ силахъ развлечь ее... Я никогда не видала лица ея... Я только угадываю... Одинъ признакъ не подлежить сомнѣнiю, и онъ указываетъ на испытанiя, очень опредѣленные и жестокия, которыя она должна перенести... Только по этимъ испытанiямъ мы бы и могли узнать ее.

Мерлинъ. Намъ остается пока покориться невѣдомымъ силамъ и вопрошать всѣ событiя, какъ вопрошаемъ мы людей, ждать ихъ отвѣта и стараться побѣдить ихъ, если они будутъ приносить несчастье тѣмъ, кого мы любимъ...

Ариэль. Но вотъ они приближаются, озаренные сиянiемъ утренней зари... Поспѣшимъ... Они уже близко... Предоставимъ начинающей проявляться ихъ судьбѣ уединенiе и молчанiе, которыхъ она требуетъ.

Мерлинъ и Ариэль уходятъ. Черезъ нѣсколько мгновенiй, во время которыхъ быстро наступаетъ разсвѣтъ, входятъ и встрѣчаются Жуазель и Лансеоръ.

ЯВЛЕНIЕ ВТОРОЕ.

Жуазель, Лансеоръ.

Жуазель останавливается, удивленная при видѣ Лансеора. Что вы ищете?

Лансеоръ. Я не знаю, гдѣ я... Я искалъ пристанища... Кто вы?

Жуазель. Меня зовутъ Жуазель.

Лансеоръ. Жуазель... Я произношу это имя... Оно ласкаетъ, какъ ласка крыла, какъ благоуханiе цвѣтка, какъ

дуновеніе радости, какъ лучъ свѣта... Оно озаряетъ васъ всего, поетъ въ сердцѣ, играетъ на устахъ...

Жуазель. А вы кто?

Лансеоръ. Я и самъ не знаю, кто я... Нѣсколько дней тому назадъ меня звали Лансеоръ, я зналъ, гдѣ я нахожусь, и я понималъ самъ себя... А теперь иду ощупью, не могу найти самого себя, не узнаю ни себя, ни окружающихъ... Иду, какъ въ туманѣ... Среди привидѣній.]

Жуазель. Какой туманъ? Какія привидѣнія?.. Вы давно на этомъ островѣ?..

Лансеоръ. Со вчерашняго дня...

Жуазель. Какъ странно, мнѣ ничего не сказали...

Лансеоръ. Меня никто не видалъ... Я бродилъ по берегу... Я былъ въ отчаяніи...

Жуазель. Почему?

Лансеоръ. Я былъ очень далеко отсюда, я былъ очень далеко отъ старика отца, когда я получилъ извѣстіе, что онъ умираетъ... Я сейчасъ же отправился въ путь. Мы долго плыли, потомъ, въ первой же гавани, куда зашелъ нашъ корабль, я узналъ, что уже поздно, что отца уже нѣтъ въ живыхъ... Я продолжаю свой путь, чтобы услышать послѣднія воспоминанія о немъ и исполнить его послѣднюю волю...

Жуазель. Зачѣмъ вы здѣсь?..

Лансеоръ. Зачѣмъ?—Не знаю... И какъ я очутился здѣсь, я тоже не знаю... Море было очень тихо и небо ясно... Ничего кромѣ дремлющихъ водъ и голубого неба... Вдругъ, неожиданно, надъ волнами началъ подниматься голубой туманъ... Онъ поднялся и охватилъ все, и руки, и снасти, и лица... Потомъ подулъ вѣтеръ, нашъ якорь обо-

рвался, корабль, никѣмъ не управляемый, понесся по течению, содрогаясь отъ его напора, и вечеромъ вошелъ въ неизвѣстную гавань случайно встрѣтившагося острова... Печальный, убитый сошелъ я на берегъ и заснулъ въ пещерѣ на берегу моря. Когда я проснулся туманъ разсѣялся, и я увидалъ корабль, который, какъ блестящее крыло, виднѣлся на горизонтѣ.

Жуазель. Что же случилось?

Лансеоръ. Не знаю... Я хотѣлъ догнать его, но въ пристани не было лодокъ... Приходится ждать здѣсь другого судна...

Жуазель. Какъ странно... Со мной случилось то же самое...

Лансеоръ. Съ вами...

Жуазель. Да, меня также привелъ на этотъ островъ густой туманъ... Но нашъ корабль разбило...

Лансеоръ. Когда? — Какъ?.. — Откуда выплыли, Жуазель?

Жуазель. Яплыла съ другого острова...

Лансеоръ. Куда же вы направлялись?

Жуазель. Туда, гдѣ меня ждалъ...

Лансеоръ. Кто?

Жуазель. Тотъ, кого выбрали для меня...

Лансеоръ. Вы были невѣста?..

Жуазель. Да...

Лансеоръ. Вы его любите?..

Жуазель. Нѣтъ.

Лансеоръ. Но какъ же тогда?..

Жуазель. Этого хотѣла моя мать...

Лансеоръ. Вы исполните ея желаніе?

Жуазель. Нѣтъ.

Лансеоръ. Это хорошо!.. Это мнѣ нравится... Мой отецъ тоже въ минуту своей смерти хотѣлъ, чтобы я избралъ ту, кого онъ выбралъ мнѣ... У него были свои основанія, повидимому очень глубокія и важныя... И такъ какъ онъ хотѣлъ этого и его нѣтъ уже въ живыхъ, я долженъ исполнить его волю...

Жуазель. Почему?

Лансеоръ. Она не можетъ измѣниться... Надо имѣть жалость къ ней и чтить ее...

Жуазель. Нѣтъ...

Лансеоръ. Вы бы не исполнили ея?..

Жуазель. Нѣтъ.

Лансеоръ. Жуазель!.. Это ужасно!..

Жуазель. Нѣтъ, ужасно, что умершіе хотятъ заставить насъ любить тѣхъ, кого мы не любимъ...

Лансеоръ. Жуазель!.. Я боюсь васъ.

Жуазель. Я сказала... Что я сказала?.. Я, можетъ быть, слишкомъ поторопилась...

Лансеоръ. Жуазель, на вашихъ глазахъ слезы при воспоминаніи объ умершихъ... Онѣ противорѣчатъ вашимъ словамъ...

Жуазель. Нѣтъ, эти слезы не объ нихъ... Я, можетъ быть, была жестока... Но они все-таки не правы...

Лансеоръ. Не будемъ больше говорить объ умершихъ... Вы мнѣ не рассказали о крушеніи вашего корабля...

Жуазель. Насъ сбиль съ дороги густой туманъ... Туманъ, такой густой, что руки, казалось, тонули въ бѣломъ пуху... Рулевой ошибся. Онъ сбился съ пути... Ему показалось, что онъ видитъ маякъ... Корабль разбился о под-

водныя скалы... Но никто не погибъ... Меня унесло волнами, потомъ я видѣла голубую воду около самыхъ глазъ, какъ будто я погружалась во мглу... Я все опускалась... Потомъ меня кто-то схватилъ, и я потеряла сознание...

Лансворъ. Кто васъ схватилъ?..

Жуазель. Владѣтель этого острова.

Лансворъ. А кто онъ?

Жуазель. Старикъ, который, какъ безпокойная тѣнь, блуждаетъ въ этомъ мраморномъ дворцѣ...

Лансворъ. Если бы я былъ при этомъ!..

Жуазель. Что бы вы сдѣлали?

Лансворъ. Я бы спасъ васъ!..

Жуазель. Развѣ я не спасена?..

Лансворъ. Это совсѣмъ другое!.. Вы бы не страдали, съ вами бы ничего не случилось... Я бы пронесъ васъ по вершинамъ волнъ!.. Какъ... не! знаю... Какъ чашу съ драгоценными камнями, ни одного изъ которыхъ не должна коснуться тѣнь, какъ цвѣтокъ, сорванный на зарѣ, съ котораго не должна упасть ни одна капля росы... Когда я подумаю, какимъ опасностямъ подвергались вы, такая прекрасная и нѣжная, среди скалъ, въ объятяхъ этого старика!... Поступокъ его прекрасенъ, онъ сдѣлалъ невозможное... Но это еще не все... Какъ же вы достигли берега?..

Жуазель. Я очнулась уже на берегу... Старикъ былъ тамъ. Потомъ онъ велѣлъ перенести меня во дворецъ...

Лансворъ. Онъ король этого острова?

Жуазель. Островъ почти необитаемъ, и здѣсь никого не видно кромѣ нѣсколькихъ слугъ, которые проходятъ всегда молча... Здѣсь есть только деревья, цвѣты и счастливыя птицы, которыми полонъ островъ...

Лансеоръ. Онъ хорошо поступилъ...

Жуазель. Онъ добръ и великодушень и онъ принялъ меня, какъ не могъ бы принять мой отецъ... И все таки я не люблю его...

Лансеоръ. Почему?

Жуазель. Мнѣ кажется, онъ меня любитъ...

Лансеоръ. Какъ?.. Онъ смѣетъ!.. Нѣтъ, это невозможно, или годы не даютъ того, что они должны бы давать, и разумъ покидаетъ насъ при приближеніи смерти?..

Жуазель. И все-таки я боюсь его... Онъ мнѣ далъ это понять... Онъ такой странный и печальный... Говорятъ, у него есть сынъ, гдѣ-то далеко отсюда. Можетъ быть, онъ погибъ... Онъ все время думаетъ объ этомъ... Когда онъ надѣется снова увидѣть его, лицо его проясняется, онъ... Вотъ онъ!..

Входитъ Мерлинъ.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Лансеоръ. Мерлинъ. Жуазель.

Мерлинъ. Я васъ искалъ, Жуазель... Обращается къ Лансеору, глядя на него, съ угрозой. Я знаю васъ, я знаю причины, побудившія васъ пріѣхать на этотъ островъ, хитрость мнимаго крушенія... Я знаю, какой врагъ послалъ васъ сюда...

Лансеоръ. Я? Только случай заставилъ меня высадиться на берегъ...

Мерлинъ. Безъ отговорокъ!

Жуазель. Что онъ сдѣлалъ?

Мерлинъ. Онъ хотѣлъ совершить самое ужасное преступленіе: измѣнить добротѣ, обмануть дружбу и продать врагу слишкомъ великодушнаго владѣтеля, который былъ готовъ принять его...

Жуазель. Нѣтъ.

Мерлинъ. Почему нѣтъ? Развѣ вы его знаете?

Жуазель. Да.

Мерлинъ. Давно?

Жуазель. Съ того времени, какъ вижу его.

Мерлинъ. А когда вы его увидали?

Жуазель. Когда онъ вошелъ въ эту залу...

Мерлинъ. Этого мало...

Жуазель. Этого довольно.

Мерлинъ. Нѣтъ, Жуазель. И скоро поступки и событія покажутъ вамъ, что этого недостаточно, и что честный взоръ, невинная улыбка, искреннее слово являются часто ловушкой болѣе опасной, чѣмъ неблагодарная старость или любовь, почти безнадежная...

Жуазель. Что вы хотите сдѣлать?

Мерлинъ. Я жду послѣднихъ доказательствъ и тогда я поступлю такъ, какъ требуетъ законъ и необходимость, чтобы не бояться больше врага, который ни передъ чѣмъ не останавливается. Безжалостныя мѣры, которыя я долженъ принять, такъ же необходимы для вашей безопасности, какъ и для моей, потому что насъ окружаютъ однѣ и тѣ же козни, и судьба наша связана... Больше я не могу пока открыть вамъ... Довѣрьтесь мнѣ. Можетъ быть, вы теперь уже знаете, что ваше счастье—мое счастье...

Жуазель. Вы мнѣ спасли жизнь, я это помню...

Мерлинъ. Вы вспоминаете объ этомъ безъ тѣни нѣжд-

ности, но надѣюсь, что наступитъ день, когда вы будете ко мнѣ справедливы. Лансеору. А вы, идите! То, что мнѣ сообщили, не подлежитъ сомнѣнію. Когда событія, которыя внушаютъ мнѣ страхъ, подтвердятъ это, я начну дѣйствовать. А пока вы мой плѣнникъ. Вамъ покажутъ отведенную вамъ часть дворца. Если вы переступите указанныя границы, вы осудите сами себя и произнесете себѣ приговоръ. Онъ будетъ беспощаденъ. Ступайте... Я отдалъ приказанія...

Лансеоръ. Я повинуюсь, ожидая, что вы признаете свою ошибку. До свиданья, Жуазель...

Мерлинъ. Нѣтъ, проститесь съ ней. Не думаю, чтобы вамъ пришлось увидаться съ ней... Можетъ быть, Жуазель, вы случайно и встрѣтитесь съ этимъ человѣкомъ. Въ такомъ случаѣ бѣгите скорѣе... Отъ вашей поспѣшности зависитъ и ваша жизнь и его... Если я узнаю, что вы видѣлись, вы неминуемо погибли. Лансеору. Вы обѣщаете мнѣ избѣгать ея?

Лансеоръ. Если отъ этого зависитъ ея жизнь,—да.

Мерлинъ. А вы, Жуазель?

Жуазель. Нѣтъ.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Дикій заброшенный садъ, заросшій колючимъ кустарникомъ и ядовитыми травами. Направо громадная стѣна съ рѣшетчатой дверью.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Жуазель, потомъ Лансеоръ.

Жуазель, входя. Въ этомъ саду никто не бываетъ, солнце никогда не свѣтитъ здѣсь, бѣдные полевые цвѣты, которые всѣ уничтожаютъ за то, что они не красивы, ждуть здѣсь своей смерти, и птицы не поютъ здѣсь. Вотъ фіалка, потерявшая свое благоуханіе, вотъ жалкій дрожащій золотой лютикъ и осыпающійся макъ... Вотъ скабіоза, жаждущая хотъ капли воды, ядовитый молочай, прячущій свои зеленые цвѣты, голубой колокольчикъ, качающій въ тишинѣ своими бесполезными колокольчиками... Я узнаю васъ всѣхъ, несчастные и презираемые, такіе милые и такіе некрасивые!.. Вы могли бы быть прекрасны, для этого нуженъ только лучъ счастья, минута ласки, болѣе смѣлая улыбка, чтобы привлечь пчелу... Но ничей взоръ не видитъ васъ, ничья рука не сѣгнетъ васъ и не срываетъ, и я прихожу къ вамъ, чтобы быть одной... Какъ все здѣсь мертво!..

Трава высохла и заглохла, листья чахнутъ, старыя деревья гибнуть и даже весна и утренняя роса боятся испытать грусть, въ этомъ уединеніи...

Лансеоръ появляется за рѣшетчатой дверью.

Лансеоръ. Жуазель!...

Жуазель, быстро оборачиваясь. Лансеоръ!...

Лансеоръ. Жуазель!...

Жуазель. Уходи!... Уходи!... Берегись!... Если онъ увидитъ тебя, ты погибь!...

Лансеоръ. Онъ не увидитъ насъ, онъ далеко отсюда.

Жуазель. Гдѣ онъ?...

Лансеоръ. Я видѣлъ, какъ онъ ушелъ, я слѣдилъ за нимъ изъ башни, въ которую я заключенъ... Онъ на другомъ концѣ острова, около лѣса, синѣющаго на горизонтѣ...

Жуазель. Но онъ можетъ вернуться или кто-нибудь скажетъ ему... Уйди! Умоляю тебя, уйди! Ты рискуешь жизнью!...

Лансеоръ. Во дворцѣ никого нѣтъ, я обошелъ залы, сады и дворы, я прошелъ вдоль буксовыхъ изгородей и по мраморнымъ лѣстницамъ...

Жуазель. Уходи... Это ловушка... Онъ хочетъ твоей смерти... я знаю... онъ сказалъ... Онъ подозрѣваетъ, что я люблю тебя... Онъ только ищетъ оправданія тому, что онъ собирается сдѣлать... Уходи!... Уже пора...

Лансеоръ. Нѣтъ.

Жуазель. Если ты не уйдешь, я сама уйду...

Лансеоръ. Если ты уйдешь, Жуазель, я останусь около этой двери до самой ночи, когда онъ вернется во дворецъ... Онъ найдетъ меня на этомъ запрещенномъ

мѣстѣ... Я переступилъ за указанные мнѣ границы, я нарушилъ его приказаніе. И я хочу, чтобы онъ видѣлъ и зналъ это!...

Жуазель. Лансеоръ, сжался! Я прошу тебя, Лансеоръ!... Ты рискуешь всѣмъ нашимъ счастьемъ!... Думай только о себѣ!... Я послѣдую за тобой, куда хочешь, если ты уйдешь отъ этой рѣшетки!... Мы увидимся въ другомъ мѣстѣ, позднѣе, не теперь... Надо выждать, время, надо принять предосторожности, приготовить... Видишь я протягиваю тебѣ руки... Что мнѣ сдѣлать для тебя? Что мнѣ обѣщать тебѣ?...

Лансеоръ. Отвори дверь.

Жуазель. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, я не могу...

Лансеоръ. Отвори, отвори, Жуазель, если ты хочешь, чтобы я остался живъ...

Жуазель. Зачѣмъ ты хочешь, чтобы я отворила?...

Лансеоръ. Я хочу видѣть тебя вблизи, я хочу прикоснуться къ твоимъ рукамъ, которыхъ я еще не касался, хочу глядѣть на тебя, какъ глядѣлъ въ первый разъ... Отвори или я погублю себя, я не уйду отсюда...

Жуазель. Ты уйдешь, какъ только я...

Лансеоръ. Обѣщаю тебѣ, Жуазель... Какъ только ты откроешь, не успѣетъ пролетѣть ласточка, не успѣетъ мысль остановить моей руки, когда она коснется твоей... Умоляю тебя, Жуазель, это слишкомъ жестоко... Я стою у этой двери, какъ слѣпой нищей... Я вижу только тѣнь твою, скользящую между листьями... За этой ужасной рѣшеткой я не вижу твоего лица... Я окину тебя однимъ взглядомъ, Жуазель, и потомъ уйду, какъ воръ, убѣгающій

съ дорогимъ сокровищемъ... Никто этого не узнаетъ и мы будемъ счастливы...

Жуазель. Лансеоръ, это ужасно!... Я никогда не испытывала страха, но сегодня я дрожу... Отъ этого зависить твоя жизнь, а она уже стала моей... Что это за свѣтъ?... Онъ грозитъ намъ, онъ выдастъ насъ!...

Лансеоръ. Нѣтъ, это солнце выходитъ изъ-за стѣны... Невинное, милое майское солнце пришло насъ порадовать... Открой же, открой скорѣе,—каждая минута увеличиваетъ опасность, которой ты боишься. Одно движеніе, Жуазель, одно мановеніе твоей руки—и ты откроешь мнѣ двери жизни!...

Жуазель поворачиваетъ ключъ. Дверь отворяется. Лансеоръ переступаетъ порогъ.

Лансеоръ, обнимая Жуазель. Жуазель!...

Жуазель. Да, я!...

Лансеоръ. Однимъ поцѣлуемъ и въ одно и то же мгновеніе я цѣлую твои руки, глаза, волосы, губы... Я сразу узналъ всѣ дары любви, которыхъ никогда не зналъ, узналъ любовь... Я не въ состояніи удержать ихъ... Вся моя жизнь не сможетъ вмѣстить ихъ... Не уходи отъ меня... Дай поцѣловать тебя...

Жуазель. Я не уйду... Я хочу быть къ тебѣ еще ближе...

Лансеоръ. Не отклоняйся, не прячь отъ меня твоихъ темныхъ рѣсницъ и сверкающихъ глазъ... Не часы, а даже минуты опасны для нашего счастья...

Жуазель. Я искала твоей улыбки...

Лансеоръ. И твоя улыбка встрѣчаетъ ее въ первомъ

же поцѣлуѣ, который соединилъ наши жизни... Мнѣ кажется теперь, что я всегда зналъ и цѣловалъ тебя и что теперь на порогѣ рая я снова и уже дѣйствительно испытываю то, что испытывалъ на землѣ, обнимая твою тѣнь...

Жуазель. Я цѣловала тебя ночью, цѣлуя въ сновидѣніи...

Лансворъ. Я не сомнѣвался...

Жуазель. Я не боялась...

Лансворъ. И мнѣ все дано...

Жуазель. И все меня дѣлаетъ счастливой!..

Лансворъ. Какъ глубоки и довѣрчивы твои глаза!..

Жуазель. А твои такъ чисты и смотрятъ такъ увѣренно!..

Лансворъ. Я узнаю твои глаза!..

Жуазель. Я снова вижу твои!..

Лансворъ. Ты кладешь руки мнѣ на плечи тѣмъ движеніемъ, котораго я и ждалъ, когда еще не смѣлъ проснуться...

Жуазель. И твоя рука обнимаетъ меня, какъ прежде...

Лансворъ. И, какъ прежде, твои вѣки опускаются отъ дуновенія любви...

Жуазель. И, какъ прежде, слезы наполняютъ твои глаза...

Лансворъ. Когда счастье такъ велико...

Жуазель. Несчастье не приходитъ, пока счастье держитъ его въ цѣпяхъ...

Лансворъ. Ты любишь меня?..

Жуазель. Да...

Лансворъ. Какъ ты сказала это „да“!.. „Да“ до глубины сердца, до глубины мыслей и до глубины души!..

Я, можетъ быть, зналъ его, но ты должна была сказать это „да“.. И даже наши поцѣлуи были ничто безъ него... Теперь довольно... Оно озаритъ всю мою жизнь! Ненависть всей земли не сможетъ уничтожить его и тридцать лѣтъ несчастья не смогутъ его истощить!... Сколько свѣта кругомъ! Какая роскошная весна!... Я гляжу на небо и садъ, и садъ пробуждается!... Слышишь птицъ, которымъ вторятъ деревья и повторяютъ съ ними твою улыбку и волшебное „да“? Видишь лучи солнца, играющіе на твоихъ волосахъ переливами брилліантовъ, и тысячи цвѣтовъ склоняются надъ нами, чтобы разгадать въ нашихъ глазахъ невѣдомую имъ тайну любви!...

Жуавель, открывая глаза. Здѣсь были только несчастные чахлые цвѣты...

Смотритъ вокругъ себя въ изумленіи, потому что они не замѣтили, что послѣ появленія Лансеора мрачный садъ постепенно измѣнился. Дикія растенія, сорная трава выросли и на нихъ распустились прекрасные цвѣты. Жалкій вьюнокъ превратился въ могучую лиану, которая обвиваетъ гирляндами деревья, покрытая спѣлыми плодами и сказочными птицами. Бѣлый курослѣпникъ обратился въ большой кустарникъ яркаго нѣжно-зеленаго цвѣта, покрытый цвѣтами крупнѣе лилій. Стебли блѣдной скабіозы выросли и на нихъ висятъ пучки цвѣтовъ, похожихъ на подсолнечники... Лстаютъ бабочки, жужжатъ пчелы, поютъ птицы, плоды качаются и падаютъ. Все задито свѣтомъ. Садъ при-

няли бесконечно большіе размѣры, и направо теперь виденъ мраморный бассейнъ, полускрытый за изгородью изъ олеандровъ и геліотроповъ, подстриженныхъ дугообразно.

Лансеоръ. Здѣсь теперь только цвѣты жизни!... Взгляни!... Они спускаются, они льются на насъ!... Они покрываютъ всѣ вѣтви, заставляютъ сгибаться деревья, задерживаютъ наши шаги, они переплетаются, давятъ другъ друга и раскрываются во всю свою величину. Они ослѣпляютъ листья и заставляютъ меркнуть траву... Я не знаю ни одного изъ нихъ, и весна какъ бы въ опьяненіи... Я никогда не видалъ въ такомъ безпорядкѣ такихъ великолѣпныхъ цвѣтовъ!...

Жуазель. Гдѣ мы?

Лансеоръ. Мы въ саду, который ты не хотѣла открыть моей любви...

Жуазель. Что мы сдѣлали?

Лансеоръ. Я поцѣловалъ тебя такъ, какъ цѣлуютъ только разъ въ жизни, а ты произнесла слово, котораго не повторяютъ...

Жуазель, въ изнеможеніи. Лансеоръ, или я потеряла рассудокъ или мы умираемъ...

Лансеоръ, поддерживая ее. Жуазель, ты блѣднѣешь, и твои руки сжимаютъ меня, какъ будто ты боишься тайнаго врага...

Жуазель. Неужели ты не понялъ?...

Лансеоръ. Чего?

Жуазель. Мы попались въ разставленные сѣти. Эти цвѣты выдали насъ... Птицы молчали, деревья были мертвы, здѣсь росли только сорныя травы, никому не нужны... Я

узнаю ихъ всѣ и вспоминаю ихъ названія, говоряція мнѣ о ихъ прежнемъ ничтожествѣ... Вотъ лютикъ, покрытый золотыми блестками, жалкій бѣлый курослѣпникъ превратился въ кустъ лимй, крупные цвѣты скабіозы распускаются надъ нашими головами, а эти пурпуровые колокольчики, поднимающіеся надъ стѣной, чтобы оповѣстить всему міру о нашемъ свиданіи, были наперстянкой, прозябавшей въ травѣ... Какъ будто небеса ниспослали свои цвѣты... Не гляди на нихъ... Ихъ цѣль—погубить насъ... Теперь поздно гадать, я должна была понять... Онъ шепталъ неопредѣленные угрозы... Да, да, я узнала, что онъ владѣеть чарами... Мнѣ это говорили, но я не повѣрила... Теперь его часъ наступилъ. Пусть поздно, но любовь, можетъ быть, сумѣетъ...

Слышенъ звукъ рога.

Лансеоръ. Слушай!...

Жуазель. Гопоть лошадей и звуки рога... Онъ возвращается... Спасайся...

Лансеоръ. А ты?...

Жуазель. Мнѣ нечего бояться, кромѣ его ненавистой любви... Уходи!...

Лансеоръ. Я останусь съ тобой и если его гнѣвъ...

Жуазель. Ты погубишь насъ обоихъ... Уходи!... Спрячься за кустомъ молочая.. Что бы онъ ни говорилъ, что бы онъ ни дѣлалъ, не шевелись и не бойся за меня. Я сумѣю защитить себя... Уходи! Вотъ онъ идетъ!.. Уходи!.. Я слышу его голосъ...

Лансеоръ прячется за высокимъ кустарникомъ молочая. Рѣшетчатая дверь открывается и Мерлинъ входитъ въ садъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Мерлинъ. Жуазель. Лансеоръ, спрятавшійся.

Мерлинъ. Онъ здѣсь, Жуазель?..

Жуазель. Нѣтъ.

Мерлинъ. Эти цвѣты не лгутъ. Они говорятъ о любви... Они сторожили васъ и были мнѣ вѣрны... Я не жестокъ и прощаю не одинъ разъ... Вы можете его спасти, показавъ однимъ движеніемъ кустарникъ, за которымъ онъ скрывается... Жуазель стоитъ неподвижно. Не глядите на меня съ такой ненавистью... Придетъ день, когда вы полюбите меня, потому что любовь слѣдуетъ неясными и благородными путями... Вы не вѣрите, что я сдержу свое обѣщаніе?..

Жуазель. Нѣтъ!..

Мерлинъ. Я не сдѣлалъ ничего, Жуазель, чѣмъ бы заслужилъ такую ненависть и такое оскорбленіе... Но если вы хотите, я предоставляю дѣйствовать судьбѣ...

За кустарникомъ молочая раздается крикъ боли.

Жуазель, бросаясь за кустарникъ. Лансеоръ!..

Лансеоръ. Жуазель! Я раненъ... Меня укусила змѣя...

Жуазель. Это не змѣя... Это какое-то ужасное животное!.. Оно бросается на тебя!.. Я раздавила его... Оно умираетъ... Оно умерло... Лансеоръ, ты блѣднѣешь!.. Обними меня... Не бойся, я сильна... Покажи мнѣ твою рану... Лансеоръ, я здѣсь... Лансеоръ, отвѣть мнѣ!..

Мерлинъ, подходит и разглядываетъ рану. Рана смертельна... Ядъ дѣйствуетъ медленно и дѣйствіе его странно...

Не приходите въ отчаяніе... Я одинъ знаю средство противъ него...

Жуазель. Лансеоръ, Лансеоръ! Отвѣтъ мнѣ! Отвѣтъ!...

Мерлинъ. Онъ не отвѣтитъ, онъ крѣпко спитъ... Уйдите, Жуазель, если не хотите, чтобы этотъ простой сонъ перешелъ въ смерть.... Уйдите, Жуазель, вы этимъ не измѣните ему, а отдалите смерть...

Жуазель. Сдѣлайте сначала знакъ, который вернетъ ему жизнь!

Мерлинъ, серьезно глядя на нее. Я его сдѣлаю, Жуазель.

Жуазель медленно идетъ, оборачивается и наконецъ уходитъ по торжественному и повелительному жесту Мерлина. Оставшись одинъ, Мерлинъ опускается на колѣни передъ Лансеоромъ, чтобы исцѣлить его рану.

Мерлинъ. Не бойся ничего, дитя мое... Все это для твоего счастья. Все мое сердце открывается тебѣ въ этомъ первомъ поцѣлуѣ, который я хочу тебѣ дать.

Медленно пѣдуетъ его. Входитъ Аріэль.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Мерлинъ. Лансеоръ. Аріэль.

Аріэль. Надо спѣшить, повелитель, надо разставить ему новыя сѣти.

Мерлинъ. Попадется ли онъ въ нихъ?

Аріэль. Человѣкъ всегда попадаетъ въ нихъ, когда имъ руководить инстинктъ. Мы омрачимъ его разумъ, измѣ-

нимъ его характеръ, мы доставимъ себѣ зрѣлище, которое заставитъ насъ улыбнуться...

Мерлинъ. Я не буду улыбаться, потому что это зрѣлище грустно. Мнѣ грустно видѣть, какъ благородная и прекрасная любовь, которая вѣритъ, что она предназначена свыше и что нѣтъ ей равной, исчезаетъ при первомъ же испытаніи...

Аріэль. Лансеоръ не свободенъ въ поступкахъ, потому что онъ является уже не самимъ собой, и я отдамъ его во власть инстинкту...

Мерлинъ. Онъ долженъ побѣдить его...

Аріэль. Ты говоришь такъ, потому что я тебѣ покорна, но вспомни то время, когда я была менѣе послушна.

Мерлинъ. Ты считаешь себя покорной, потому что я побѣдилъ тебя. Но даже озаренная свѣтомъ, до котораго я возвысилъ тебя, ты еще хранишь слѣды тѣни, и я нахожу въ тебѣ нѣчто жестокое, что радуется при видѣ человѣческихъ слабостей...

Аріэль. Слабости людей часто бываютъ необходимы для высшихъ цѣлей...

Мерлинъ. Что случится, если онъ поддастся искушенію?...

Аріэль. Онъ поддастся, это предначертано. — Намъ надо знать, выдержитъ ли любовь Жуазель это испытаніе.

Мерлинъ. Ты этого не знаешь?

Аріэль. Нѣтъ, ея разумъ не весь въ моей власти, онъ исходитъ отъ начала, мнѣ невѣдомаго. Этотъ разумъ я вижу только въ ней, и онъ вліяетъ на будущее... Я пробовала подчинить ее себѣ... но она повинуется мнѣ только въ мелочахъ. Но пора дѣйствовать.—Пооди приведи Жуа-

зель и оставь меня съ твоимъ сыномъ. — Уходи, чтобы не вліять на испытаніе... Я приведу его въ чувство, я сдѣлаю еще болѣе глубокимъ и полнымъ опьяненіе, въ которое я погрузила его, и я сдѣлаю видимой его взорамъ, чтобы обмануть его поцѣлуніи...

Мерлинъ съ ласковымъ упрекомъ. Аріэль...

Аріэль. Иди, предоставь все мнѣ... Ты знаешь, что поцѣлуніи бѣдной Аріэль такъ же безслѣдны, какъ отраженіе крыла на водной поверхности...

Мерлинъ уходитъ. Аріэль идетъ къ мраморному бассейну. Подускрытая олеандрами, она садится на ступени изъ дерна, ведущія къ бассейну, откидываетъ покрывало и медленно распускаетъ свои длинные волосы. Лансеоръ просыпается и оглядывается кругомъ.

Лансеоръ. Гдѣ я заснулъ? Я не понимаю, какой ядъ проникъ мнѣ въ сердце... Я уже не тотъ, мой разумъ колеблется... Я борюсь съ опьяненіемъ и не понимаю, что со мной... Замѣчаетъ Аріэль. Кто эта женщина за олеандрами?... Подходитъ къ кустамъ олеандра и смотритъ. Какая красивая! Она полуобнажена и ея слегка согнутая нога, какъ осторожный цвѣтокъ, касается воды, которая, улыбаясь, струится вокругъ нея жемчугами... Она поднимаетъ руки, чтобы связать волосы, и свѣтъ небесъ струится между ея плечами, какъ блестящая вода по мраморнымъ крыльямъ... Подходить ближе. Какъ она прекрасна!... Какъ она прекрасна!... Я хочу ее видѣть... Вотъ она повернулась, и ея обнаженная грудь, сквозящая между волосъ, прибавляетъ еще свѣта къ заливающему ея свѣту... Она прислушивается, она слышитъ, и ея расширенные глаза вопрошаютъ

цвѣты... Она замѣтила меня, она прячется, она хочет
убѣжать... Идетъ за ограду. Нѣтъ, нѣтъ, не бѣги отъ меня!..
Я видѣла... Уже поздно!... Обнимаетъ Аріэль. Я хочу знать
имя видѣнія такого яснаго, что оно погружаетъ во мракъ
все, что я любилъ! Я хочу знать, какая ревнивая тѣнь,
какой глубокой пріютъ хранили сокровище, которое я дер-
жу въ своихъ объятіяхъ!... Какія деревья, какіе гроты,
какія башни, какія стѣны скрывали блескъ этого тѣла,
благоуханіе этой жизни, огонь этихъ глазъ?... Гдѣ ты таи-
лась, ты, которую слѣпой сразу узналъ бы среди праздни-
чной толпы?.. Нѣтъ, не отталкивай меня. Это не страсть,
не минутное опьяненіе,—это вѣчный расцвѣтъ любви!..
Я склоняюсь къ твоимъ колѣнямъ и смиренно цѣлую ихъ...
Я отдаю себя одной тебѣ... Я принадлежу только тебѣ...
Я прошу только одного поцѣлуя, чтобы забыть все и запе-
чатлѣть будущее... Наклони свою голову... Я вижу, какъ
она склоняется, я вижу, что она соглашается, и призываю,
какъ знакъ, котораго ничто не можетъ изгладить... Онъ
страстно цѣлуетъ ее. За кустарникомъ слышенъ жалобный крикъ.
Что это?..

Аріэль. освобождается изъ его объ-
ятій, бѣжитъ и исчезаетъ.— Входитъ
Жуазель.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Лансеоръ. Жуазель.

Жуазель, потрясенная. Лансеоръ!...

Лансеоръ. Откуда ты, Жуазель?...

Жуазель. Я видѣла и слышала...

Лансеоръ. Что?... Что ты видѣла?.. Оглянись вокругъ, тутъ ничего нѣтъ... Олеандры цвѣтутъ, въ бассейнѣ дремлетъ вода, голубки воркуютъ, кувшинки распускаются, вотъ все, что я вижу и что ты можешь видѣть...

Жуазель. Ты ее любишь?

Лансеоръ. Кого?..

Жуазель. Ту, которая сейчасъ скрылась...

Лансеоръ. Какъ же я могу ее любить?.. Я ее никогда не видалъ... Эта женщина сидѣла тамъ, я случайно проходилъ мимо... Она громко вскрикнула... Я подбѣжалъ... Она, казалось, оступилась и когда я подаль ей руку, она поцѣловала меня...

Жуазель. И это говоришь ты?

Лансеоръ. Да, взгляни же на меня, это я... Подойди, дотронься до меня, если ты сомнѣваешься...

Жуазель. Испытаніе было ужасно, но это равносильно смерти...

Лансеоръ. Что?..

Жуазель. Ты въ первый разъ видѣлъ эту женщину?..

Лансеоръ. Да.

Жуазель. Я не буду больше говорить объ этомъ.. Можетъ быть, я пойму. Во всякомъ случаѣ я тебѣ прошаю...

Лансеоръ. Тебѣ нечего прощать.

Жуазель. Что ты сказалъ?..

Лансеоръ. Я сказалъ, что мнѣ не нужно прощенія за проступокъ, котораго я не совершалъ.

Жуазель. Котораго ты не совершалъ?.. Значитъ, я не видала того, что видѣла, и не слыхала того, что слышала?..

Лансеоръ. Нѣтъ.

Жуазель. Лансеоръ!..

Лансеоръ. Лансеоръ! Лансеоръ!.. Называй меня такъ хоть тысячу лѣтъ, ничто не измѣнится въ томъ, чего не было!..

Жуазель. Я не знаю, что произошло съ нашимъ счастьемъ... Взгляни на меня и дотронься до моей руки, чтобы я знала, гдѣ ты!.. Но если ты говоришь такъ, значитъ, не тебя я видѣла сегодня утромъ въ волшебномъ саду, не тебѣ отдала свою душу!.. Нѣтъ, что-то насмѣхается надъ нашими силами... Нѣтъ, невозможно, чтобы все гибло изъ-за одного слова... Я стараюсь понять... Я теряюсь... Я видѣла тебя и всю истину, все довѣріе, какъ видишь вдругъ море изъ-за деревьевъ!.. Я была увѣрена, я знала... Любовь не обманывала... Теперь она обманываетъ!.. Не можетъ все это погибнуть изъ-за одного *да* или *нѣтъ*.. Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу!.. Слушай, еще не поздно, мы еще не потеряли нашего счастья... Оно все въ нашихъ рукахъ... Ты поступилъ, можетъ быть, безумно... Я забыла, я не придала значенія, я ничего не видала, слышишь!.. Ничего не было, ты можешь уничтожить все однимъ словомъ... Ты знаешь, какъ я, что у любви есть слова, которымъ ничто не можетъ противиться, и что самый большой проступокъ, когда признаешься въ немъ съ честнымъ поцѣлуемъ, становится истиной болѣе прекрасной, чѣмъ невинность... Скажи мнѣ это слово, дай мнѣ этотъ поцѣлуй, признайся, сознайся въ томъ, что я видѣла и слышала, и все будетъ ясно по-прежнему, и я верну все, что ты мнѣ далъ...

Лансеоръ. Я сказалъ то, что сказалъ. Если ты мнѣ не вѣришь, ступай, ты мнѣ наскучила...

Жуазель. Взгляни на меня... Если ты такъ лжешь, ты любишь ее...

Лансеоръ. Нѣтъ, я никого не люблю, а тебя меньше, чѣмъ всѣхъ другихъ...

Жуазель. Лансеоръ!.. Что я сдѣлала?.. Можетъ быть, невольной?..

Лансеоръ. Ничего, это все не то... Но я не тотъ, за кого ты меня принимала и не хочу имъ больше быть... Я такой же, какъ и всѣ, я хочу, чтобы ты это знала и утѣшилась... И чтобы какая-нибудь новая мечта разсѣяла по вѣтру всѣ наши обѣщанія, какъ этотъ сухой листъ, смятый моею рукой!.. А! Любовь женщины!.. Тѣмъ хуже для нихъ!.. Я буду жить, какъ и всѣ въ мѣрѣ, гдѣ нѣтъ вѣры, гдѣ никто не любитъ другъ друга, гдѣ всѣ клятвы разбиваются при первомъ испытаніи!.. А! слезы! Только ихъ не доставало и я ихъ ждалъ!.. Ты тверда, я знаю, и слезы медленно текутъ изъ твоихъ глазъ... Я считаю ихъ по каплямъ! Ты меня не любила... Любовь, которая является по первому слову, не такова, чтобы на ней основывать счастье... Во всякомъ случаѣ это не то, на что я надѣялся... Опять слезы!.. Онѣ текутъ слишкомъ поздно!.. Ты меня не любила и я тебя не любилъ... Другая бы сказала мнѣ... А! Другая сумѣла бы!.. Но ты, нѣтъ, нѣтъ, иди!.. Да, уходи же, говорю тебѣ!..

Жуазель, рыдая, молча уходитъ. Уходя она оборачивается, останавливается, смотритъ печально на Лансеора и исчезаетъ со словами: „Я люблю тебя...“ Лансеоръ, измученный, смущенный, идетъ, шатаясь, и прислоняется къ дереву.

Лансеоръ. Что я сдѣлалъ?.. Я повиновался... Чему?...
Не знаю, что я сказалъ?.. Это не я говорилъ... Я потерялъ
счастье—настоящее, будущее... Я уже не принадлежу себѣ...
Я дѣлаю то, что ненавижу... Я не узнаю, кто я... Жузель!..
О, моя Жузель!...

Онъ падаетъ, рыдая, лицомъ на землю.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Лансеоръ, потомъ Жуазель.

Лансеоръ похудѣлъ, сгорбился, постарѣлъ, его едва можно узнать.

Лансеоръ, глядя на себя въ зеркало. Кто я? Въ нѣсколько часовъ я постарѣлъ на тридцать лѣтъ... Ядъ и болѣзнь дѣлають свое дѣло... Я гляжу въ зеркало и съ ужасомъ вижу въ немъ отраженіе своего изможденнаго лица... Вѣдь оно не лжетъ... Идетъ къ другому зеркалу. Вотъ и въ другомъ я вижу то же отраженіе... Если только всѣ они не обманываютъ меня, какъ, повидимому, все обманываетъ и играетъ мной на этомъ необыкновенномъ островѣ. Трогаетъ свое лицо. Увы! Они правы!.. Морщины, которыя нащупываетъ моя рука, созданы не ихъ обманчивымъ отраженіемъ... Онѣ дѣйствительно существуютъ!.. И я нащупываю пальцами эти ужасныя, несмыаемыя пятна... Сгорбленныя плечи не выпрямляются... Волосы мои выцвѣли и стали подобны угасшему пеплу.—Я едва узнаю даже свои глаза... Они были широко раскрыты, они смѣялись, они привѣтствовали жизнь... Теперь они щурятся и избѣгаютъ моего взгляда, какъ глаза лгуна... Во мнѣ не осталось ничего прежняго...

Сама мать прошла бы мимо, не узнавъ меня... Конечно... Задергивает занавѣсь у высокаго окна. Лучше скрыться, и пусть все покроетъ глубокой мракъ!.. Ложится въ темномъ углу залы. Я отрекаюсь, я согласенъ... Я сдѣлалъ то, чего любви не можетъ простить... Теперь я теряю жизнь какъ потерялъ Жуазель...

Открывается дверь.—Входитъ Жуазель, пораженная темнотою и останавливается на порогѣ. Потомъ оглядывая залу, она замѣчаетъ лежащаго въ углу Лансеора и бросается къ нему съ протянутыми руками.

Жуазель. Лансеоръ!.. А, эти три дня я провела, какъ безумная, я всюду искала тебя. Я подходила къ башнѣ... Двери были закрыты и окна тоже... Я ползала у порога, чтобы разглядѣть твою тѣнь, я звала, кричала, никто не отвѣчалъ мнѣ... Но какъ ты поблѣднѣлъ, похудѣлъ... я говорю пустяя слова и не отдаю себѣ отчета... Дай мнѣ твои руки..

Лансеоръ. Ты узнаешь меня?

Жуазель. Почему же нѣтъ?

Лансеоръ. Такъ я еще похожъ на самого себя?.. Погляди на меня!.. Что осталось прежняго?.. Идетъ къ окну и быстро отдергиваетъ занавѣску. Гляди! Гляди!.. Почему ты узнаешь меня? По рукамъ, по глазамъ, по одеждѣ, можетъ быть?

Жуазель, взглянувъ на него, бросается съ рыданіемъ ему въ объятія. О, какъ ты страдалъ!..

Лансеоръ. Страдалъ, страдалъ!.. Я заслужилъ это послѣ того, что я сказалъ и что я сдѣлалъ!.. Но не это важно для меня и не это тяготитъ меня... Я согласенъ умереть, только бы ты, хоть на краткое мгновеніе, узнала

во мнѣ то, что ты любила... Я цѣпляюсь за себя, за то немногое, что отъ меня осталось... Я хотѣлъ бы скрыться, спрятать свои страданія, но все-таки я хочу, чтобы прежде ты увидала меня, чтобы ты знала, что пришлось бы тебѣ любить, еслибы ты еще любила меня... Подойди, подойди ближе, ближе... Не ближе ко мнѣ, а ближе къ свѣту, освѣщающему мое страданіе... Взгляни на эти морщины, на эти мертвые глаза и губы... Нѣтъ, нѣтъ, не приходи, чтобы отвращеніе... Я похожъ самъ на себя меньше, чѣмъ еслибы я вернулся изъ міра, который никогда не посѣщала жизнь... Ты не бѣжишь?... Ты не удивляешься?... Ты не видишь меня такимъ, какимъ меня отражаютъ всѣ эти зеркала?..

Жуазель. Я вижу, что ты блѣденъ и у тебя усталый видъ... Не отклоняй моихъ рукъ... Приблизь свое лицо... Почему ты не хочешь, чтобы я прикоснулась къ нему губами, какъ тогда, когда все намъ улыбалось въ цвѣтущемъ саду?... У любви бываютъ дни, когда ничто не улыбается... Что до того, любовь улыбается и сквозь слезы... Я откидываю волосы, которые закрывали твое лицо и дѣлали его такимъ печальнымъ.. Посмотри, они тѣ же, какъ въ тотъ день, когда я въ первый разъ поцѣловала тебя... Довольно, довольно, не думай больше объ обманчивыхъ зеркалахъ... Они не понимаютъ, что отражаютъ, но любовь это хорошо понимаетъ... Вотъ уже жизнь возвращается въ глаза, вновь нашедшіе меня... Не бойся ничего, потому что я ничего не боюсь. — Я знаю, что нужно сдѣлать и я добуду тайну, которая исцѣлитъ твое страданіе...

Дансворъ. Жуазель!..

Жуазель. Да, да, приблизься ко мнѣ, я люблю тебя

сильнѣе, чѣмъ въ счастливую минуту, когда все насъ соединяло...

Лансеоръ. А! я понимаю это. Но другое, другое!..

Жуазель. Что такое?

Лансеоръ. Я понимаю, что можно отыскать разбитую любовь, собрать ея осколки и любить ихъ... Но гдѣ осколки нашей любви? Отъ нея ничего не осталось, потому что прежде, чѣмъ судьба поразила меня, превративъ въ то, что ты видишь, я самъ разбилъ все, чего она не могла уничтожить... Я обманулъ, я солгалъ, въ ту именно минуту, когда малѣйшая ложь переходитъ въ ту область, гдѣ ничто не стирается, гдѣ преступленіе, которое могла бы простить любовь... Истина умерла въ нашихъ единственныхъ сердцахъ.. Я потерялъ довѣріе, съ которымъ всѣ мои мысли окружали твои, какъ прозрачная вода окружаетъ еще болѣе ясную... Я самъ въ это больше не вѣрю, я не вѣрю больше въ себя. Во мнѣ нѣтъ больше той ясности, на которой ты замѣтила бы малѣйшую тѣнь, и душа моя еще печальнѣе, чѣмъ тѣло...

Жуазель. Ты поцѣловалъ ту женщину?..

Лансеоръ. Да.

Жуазель. Она позвала тебя?..

Лансеоръ. Нѣтъ.

Жуазель. Почему же ты сказалъ, что я ошиблась?..

Лансеоръ. Зачѣмъ говорить объ этомъ, Жуазель?.. Теперь уже поздно... Ты мнѣ не повѣришь, потому что тебѣ пришлось бы вѣрить невѣроятному... Я поступалъ, какъ въ забытій, какъ въ непобѣдимомъ, играющемъ мной силѣ... Мой разумъ, мысли, воля были еще дальше отъ самихъ себя, чѣмъ это изнуренное тѣло отъ того, какимъ

оно было прежде... Мнѣ хотѣлось сказать тебѣ, крикнуть тысячи разъ, что я былъ лгуномъ, который уже не повиновался, что постыдныя слова, срывавшіяся съ моихъ губъ заглушали помимо моей воли страстныя слова безнадежной любви, и сознаніе и рыданія, съ которыми я стремился къ тебѣ... Я дѣлалъ усилія, отъ которыхъ рвалось мое горло и разбивалось сердце, и слышалъ, какъ вѣроломный голосъ измѣнялъ мнѣ, и ни мои руки, ни глаза, ни поцѣлуи не могли опровергнуть его потому что кромѣ моей души, невидимой для тебя, все было во власти враждебной силы, непобѣдимой, увы! и непонятной...

Жуазель. Нѣтъ, я видѣла твою душу!.. И я сейчасъ же поняла, что это не ты лгалъ мнѣ, что это невозможно...

Лансворъ. Почему ты это знала?..

Жуазель. Потому что я люблю тебя...

Лансворъ. Но кто я, Жуазель? Что ты еще любишь во мнѣ, не смотря на то, что я оскорбилъ и уничтожилъ все, что ты любила?..

Жуазель. Тебя.

Лансворъ. Что осталось отъ меня?.. Эти руки, потерявшія силу,—не мои руки, глаза, утратившіе свой блескъ,—не мои глаза и сердце, измѣнившее любви, не мое сердце...

Жуазель. Это ты, все-таки ты и никто другой, какъ ты!.. Развѣ не все равно, кто ты, если я снова нашла тебя!.. Ах! я не сумѣю этого объяснить... Когда любятъ, какъ я люблю тебя, становишься слѣпой и глухой, потому что видишь и слышишь за предѣлами этого міра... Когда любятъ, какъ я люблю тебя, то любятъ не за то, что онъ говоритъ или дѣлаетъ, и не за то, кто онъ, а любишь его и только его, который остается все тѣмъ же, несмотря на

проходящіе годы и несчастья... Я люблю тебя одного, и каждая переменна только увеличивает любовь... Тебя одного я вижу, слышу, тебя одного я слушаю непрерывно и всегда люблю...

Лансеоръ. Жуазель!..

Жуазель. Да, да, поцѣлуй меня, обними меня!.. Намъ придется бороться и страдать... Намъ всюду разставлены сѣти... Намъ только двое, но въ насъ заключена вся любовь!..

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Жуазель, Аріэль, потомъ Мерлинъ.

Рощина. Жуазель спитъ на дерновой скамь, передъ дугообразной игородью буксовъ, гдѣ цвѣтутъ лиліи.— Ночь. — Слышно журчанье воды. — Свѣтитъ луна. Входитъ Аріэль.

Аріэль. Она спитъ... Садъ затаялъ свое дыханіе, чтобы слушать ея дыханіе, и лишь соловей по приказанію ночи, обливающей ея серебромъ, пѣньемъ баюкаетъ ея сонъ... Какъ она прекрасна и покойна и какъ она чиста! Она въ тысячу разъ тише воды, стекающей изъ ледниковъ въ бассейнъ и журчащей подъ бѣдной листвою... Ея пѣльные волосы разметались, какъ волны неподвижнаго свѣта, и даже луна не знаетъ, откуда исходитъ золотое сіяніе, сливающееся въ лазури съ ея сіяніемъ... Ясные глаза ея закрыты, а между тѣмъ свѣтъ, падающій отъ звѣздъ, приподнимаетъ дрожа ея рѣсницы, чтобы найти подъ ними послѣднее воспоминаніе о прекрасномъ днѣ, котораго больше нѣтъ... Ея ротъ подобенъ влажному дышащему цвѣтку,

и капли росы падаютъ съ лиліи на ея обнаженное плечо, даря ей часть жемчуговъ, которые ночь раздастъ въ тишинѣ во имя небесъ, раскрывающихся надъ сокровищемъ міра... Жузель, Жузель! Я не больше, какъ призракъ, блуждающій во мракъ, блуждающій больше тебя, несмотря на свое ясновидѣніе, и ближе тебя къ небытію, гдѣ гаснетъ счастье... Я не принадлежу себѣ, я повинуюсь моему повелителю, я не могу ничего дать тебѣ кромѣ невидимаго поцѣлуя, который не можетъ разбудить тебя и не принадлежитъ мнѣ... Но я люблю тебя, люблю, какъ сестра менѣе счастливая любить ту, кого любовь предпочла ей... Я люблю тебя, я дарю тебѣ силы, которыя не упоминаются въ молитвахъ людей, и жалѣю, что мой повелитель не встрѣтилъ тебя раньше, прежде чѣмъ судьба, которая гонитъ отъ него этотъ несравненный часъ, предоцредѣлила печальное будущее, ожидающее его и меня вмѣстѣ съ нимъ... Въ безсильной и трепещущей нѣжности склоняюсь я надъ твоимъ мирнымъ сномъ... Я цѣлую тебя... Почему тотъ, чьей безсознательной и покорной тѣнью являюсь я, не приходитъ самъ запечатать поцѣлуемъ на твоихъ устахъ, призывающихъ мои уста, какъ все прекрасное призываетъ тайну...

Цѣлуешь Жузель въ лобъ.

Жузель сквозь сонъ. Лансеоръ!..

Ариэль. Еще разъ... Подобно тому, какъ въ послѣдній разъ прикасаешься къ запретному источнику, на страждѣ котораго стоятъ ангелы, хранящіе тайну времени и пространства и на краю котораго никто болѣе не сядетъ...

Жузель сквозь сонъ, неясно. Это ты, Лансеоръ?.. Какъ нѣжны твои уста подъ дыханіемъ зари!.. Я изнемогаю подъ цвѣтами, падающими изъ рая...

Ариэль. Она вѣрна и во снѣ и постоянна въ сновидѣніи!.. Демоны ночи ничего не могутъ отнять у любви, наполняющей прошедшее и будущее сердца!.. О, мой повелитель и отецъ!.. Твоя послѣдняя надежда ждала только ее, чтобы отвратить судьбу, грозящую твоей старости!.. О, повелитель, если ты хочешь, еще есть время, и счастье только и ждетъ, чтобы ты его сорвалъ... Оно неувѣренно колеблется между тобой и твоимъ сыномъ, однимъ движеніемъ ты можешь утвердить его за нами... Приблизься! Она твоя!.. Приди, приди, приди, я зову тебя... Я знаю, что я права и что человѣкъ не долженъ отречься отъ жизни и губить себя для спасенія тѣхъ, кого онъ любитъ...

Мерлинъ издали, въ голосъ его строгій упрекъ. Ариэль...

Входитъ, закутанный въ длинный плащъ.

Ариэль. Я говорю за тебя и мой голосъ — твой голосъ... Я говорю отъ твоего сердца, которое глубоко любить и не смѣетъ признаться въ этомъ... Въ эту предначертанную минуту ты долженъ былъ встрѣтить эту спящую женщину, чтобы избѣжать ту, которая погубитъ тебя въ старости...

Мерлинъ. Уходи, уже поздно...

Ариэль. Нѣтъ, еще не поздно, это единственная минута, и твоя судьба зависитъ отъ одного твоего движенія...

Мерлинъ. Уходи, не искушай меня, или я снова obrашу тебя въ безсильную тѣнь... Я вызвалъ тебя, чтобы ты помогала мнѣ ясно видѣть, а не вводила меня въ заблужденія...

Ариэль. Повиноваться инстинкту, который одинъ спасетъ человѣка, не значитъ заблуждаться... Подумай объ

ужасныхъ дняхъ, приготовленныхъ тебѣ Вивіаной, которую ты долженъ полюбить, если не полюбишь эту...

Мерлинъ. Вивіана?.. Въ этой жизни или въ другомъ мірѣ это имя прозвучало въ тайникахъ моего сердца, какъ символъ безумія, печали и стыда?..

Аріэль. Нѣтъ, это въ этой жизни, единственной, которой ты владѣешь... Это имя феи, которая ждетъ твоего прихода въ Броселандѣ, куда влечетъ тебя судьба, чтобы разбить твою старость... О, повелитель, я вижу ее!.. Берегись, она приближается и скоро овладѣетъ твоимъ сердцемъ!.. Какъ только эта любовь, такая чистая и спасительная, потеряетъ свои права, ея любовь выйдетъ изъ мрака... Повелитель, умоляю тебя!.. Я вижу всѣ ея хитрости, она обнимаетъ тебя, дѣлая видъ, что любитъ тебя, она отнимаетъ у тебя власть, разумъ, мудрость, она вырываетъ наконецъ тайну твоей силы и ты падаешь на землю, какъ опьяненный старикъ... Тогда она обираетъ тебя, издѣвается надъ тобой, выпрямляется и запираетъ за нами пещеру смерти, которая никогда не отворится...

Мерлинъ. Это неизбежно?..

Аріэль. Ты знаешь, какъ и я, что ничто не можетъ обмануть меня, когда дѣло идетъ о тебѣ... Повелитель, умоляю тебя и за тебя и за себя, я такъ люблю свѣтъ и лишусь его вмѣстѣ съ тобой!.. Этотъ часъ непоправимъ!— Выбирай, выбирай жизнь! Если она еще возможна для насъ, значитъ, она принадлежитъ намъ и ты имѣешь на нее право!..

Мерлинъ. Уходи, это бесполезно... Вѣдь она никогда не полюбила бы меня...

Аріэль. Довольно того, чтобы ты полюбилъ ее и что-

бы между вами не было того, кого она любить... Вот что я читаю въ твоёмъ будущемъ...

Мерлинъ, отирая потъ, выступившій отъ сильнаго волненія. Уходи, потому что я знаю... Итакъ, предназначено, что я могу спастись, полюбивъ этого ребенка... Но она не для меня, мой часъ прошелъ... Наступилъ часъ тѣхъ, которые пришли и встрѣтились, какъ этого хотѣло время, какъ хотѣла жизнь... Ступай, ступай, говорю тебѣ!.. Аріэль, закрывъ лицо покрываломъ, молча удаляется. Я отказываюсь отъ счастья и для тебя, сынъ мой, я доведу до конца испытаніе... Снимаетъ плащъ и является выше ростомъ и помолодѣвшимъ, онъ одѣтъ, какъ Лансеоръ и странно похожъ на него. Подходить къ Жуазель. О, моя чистая Жуазель!.. Ты также будешь страдать, ты должна еще страдать, потому что въ твоихъ слезахъ таится будущее, но что значать страданія, если они ведутъ къ любви... Всѣ радости, которыя я испыталъ въ моей бѣдной жизни, я промѣнялъ бы на самое жестокое изъ этихъ счастливыхъ страданій... Склоняется надъ Жуазель. Аріэль была права. Мнѣ стоитъ сдѣлать одно движеніе, и я верну часы и дни и избѣгну ужаснаго конца, предназначеннаго мнѣ судьбой... Да, но этимъ движеніемъ я погублю того, кого люблю больше себя самого, кого годы предназначили для любви, на которую я надѣялся... Когда держишь такъ въ рукахъ свое счастье и счастье другого, когда надо раздавить одного, чтобы остался живъ другой, тогда чувствуешь, какія крѣпкія нити связываютъ насъ съ землей, на которой мы страдаемъ, тогда жизнь испускаетъ сверхчеловѣческіе крики, заставляя себя слушать и защищая свои права!.. Но тогда-то нужно также прислушиваться къ другому голосу, который не можетъ сказать намъ ничего оп-

редѣснаго и вѣрнаго и ничего не обѣщаетъ и шепотъ котораго священнѣе безсвязныхъ криковъ жизни... Лансеоръ и Жуазель, любите другъ друга, любите меня, потому что я васъ любилъ... Я слабъ, безсиленъ и созданъ для счастья, какъ и другіе люди, и я не безъ борьбы уступаю свою долю счастья... Любите другъ друга, дѣти мои, я повинуюсь шопоту тихого голоса, который ничего не имѣетъ сказать мнѣ, но который правъ...

Онъ опускается на колѣни передъ Жуазель и цѣлуетъ ее въ лобъ.

Жуазель, просыпаясь. Лансеоръ!..

Мерлинъ. Да, это я, ночь привела меня къ тебѣ, и я бужу тебя новымъ поцѣлуемъ, чтобы ты снова вернула...

Жуазель, быстро выпрямляясь и съ ужасомъ глядя на него. Кто вы?..

Мерлинъ, протягивая руки, чтобы обнять ее. Ты сама знаешь, Жуазель, и любовь должна тебѣ подсказать...

Жуазель, быстро отклоняясь. Не прикасайтесь ко мнѣ или я призову смерть, чтобы она положила конецъ этому ужасному сну!.. Не знаю, какіе призраки овладѣли этой ночью, но вотъ самый низкій, самый подлый, какого создавалъ когда-либо мракъ! Я еще не вѣрю!.. Я стараюсь проснуться и до боли протираю себѣ глаза!.. О, не подходите ко мнѣ!.. Прочь!.. Прочь!.. Я боюсь васъ!..

Мерлинъ. Взгляни на меня, Жуазель... Я не понимаю тебя, сонъ еще владѣетъ тобой...

Жуазель. Гдѣ онъ?..

Мерлинъ. Проснись, Жуазель...

Жуазель. Гдѣ онъ и что вы съ нимъ сдѣлали?..

Мерлинъ. Да вѣдь это же я. Если твои глаза обманываютъ тебя...

Жуазель. Развѣ вы не знаете, что я ношу его въ моихъ глазахъ, которые смотрятъ на васъ и сравниваютъ его съ вами?.. Вы, значить, не видали его въ моемъ сердцѣ, если подражаете ему!.. Вы и онъ! Вы въ его одеждахъ, вы приняли его видъ! — О, это все равно, еслибы смерть захотѣла стать жизнью... Но пусть васъ будетъ двадцать тысячъ похожихъ на него и среди васъ онъ одинъ будетъ не похожъ на того, какимъ онъ былъ вчера, и я опрокину всѣ двадцать тысячъ призраковъ и подойду къ единственному человѣку, который не будетъ призракомъ среди другихъ призраковъ!.. О, не старайтесь скрыться въ тѣни... Вы отступаете слишкомъ поздно, я разгадала васъ, и я знаю, кто вы... Я понимаю ваши хитрости, и какъ бы я посмѣялась надъ ними, если бы я не боялась, что вы своими чарами заставили его страдать, похитивъ его дорогой и въ то же время неузнаваемый образъ!.. Что вы съ нимъ сдѣлали?.. Гдѣ онъ?.. Я узнаю... Вы не уйдете, не отвѣтите мнѣ... Хватаетъ руку Мерлина. Я одна, я безсильна... Но я хочу, я хочу... Я узнаю, узнаю!..

Мерлинъ. Я слишкомъ люблю тебя, Жуазель, чтобы причинить ему зло, пока ты его любишь.—Ему нечего бояться.—Не бойся и ты меня. Я здѣсь не затѣмъ, чтобы, воспользовавшись полутьмой, овладѣть твоимъ сердцемъ. У меня была другая цѣль.—Выслушай меня, Жуазель, съ тобой говорить не соперникъ или несчастный любовникъ, а отецъ, который предвидитъ будущее и беспокоится за тебя... Сознаю, раньше, чѣмъ пришелъ тотъ, кто покорилъ тебя, какъ никогда еще мужчина не покорялъ женщину, я

предвидѣль возможность счастья, къ которому поздно стремиться на склонѣ дней... Теперь я отказываюсь отъ него съ грустью, но по доброй волѣ... Я знаю, какъ ты любишь жалкое безвольное существо, которое злой случай поставилъ на твоємъ пути... Не думай, я говорю теперь безъ ненависти и зависти, но я съ ужасомъ думаю о страданіяхъ, которыя онъ тебѣ готовить... Поэтому я настойчиво хочу открыть тебѣ на него глаза, хотя бы ты возненавидѣла меня за это... У меня только одна забота отвлечь тебя отъ несчастной любви, гдѣ тебя ждутъ разочарованіе и слезы... Я ни на что не надѣюсь для себя... Я не прошу, чтобы ты полюбила меня вмѣсто него... Ты мнѣ уже достаточно показала, что это невозможно... Я только желаю, чтобы ты его больше не любила... Это все, чего я прошу у судьбы, и судьба въ эту ночь услышала мою мольбу...

Жуазель. Что это значить?...

Мерлинъ. Испытаніе будетъ серьезно и тяжело, я бы съ радостью избавилъ тебя отъ него... Но ты лучше меня знаешь, что бывають спасительныя страданія, отъ которыхъ стыдно бѣжать... Однимъ движеніемъ можно опрокинуть цѣлый міръ... Маленькое движеніе силы, склоняющейся безъ малѣйшаго безпокойства, одинъ взглядъ этихъ слишкомъ довѣрчивыхъ и слишкомъ невинныхъ глазъ, уничтожатъ передо мной нѣчто самое прекрасное, что любовь когда-либо создавала въ сердцѣ женщины... А между тѣмъ это необходимо... Справедливость требуетъ, чтобы сегодня она проливала слезы, которыя еще могутъ быть осушены, потому что позднѣе она будетъ подавлена горемъ, которое уже ничѣмъ нельзя будетъ исцѣлить...

Жуазель. Что вы хотите сказать?...

Мерлинъ. Что въ эту самую минуту, когда все, что есть въ твоёмъ сердцѣ нетронутаго и истиннаго, яснаго и страстнаго, когда всѣ чистыя добродѣтели твоей души, вся вѣрность, честность и невинность твоей дѣвственной крови стремятся къ тому, кого ты избрала, чтобы сдѣлать его самымъ чистымъ и счастливымъ человѣкомъ,—онъ здѣсь, сзади насъ, въ двухъ шагахъ отъ этой скамьи, за этими листьями, которые онъ считаетъ непроницаемыми, въ объятіяхъ той женщины, съ которой—ты видѣла—онъ оскорблялъ твою великую любовь!...

Жуазель. Нѣтъ.

Мерлинъ. Почему ты говоришь нѣтъ, даже не взглянуть?...

Жуазель. Потому что онъ—это я сама...

Мерлинъ. Я не прошу, чтобы ты вѣрила мнѣ на слово, я прошу только, чтобы ты повернула голову.

Жуазель. Нѣтъ.

Мерлинъ. Слышишь ты шепотъ ихъ голосовъ и звукъ поцѣлудя, отвѣчающаго на поцѣлуй?...

Жуазель. Нѣтъ.

Мерлинъ. Не возвышай голоса, чтобы прервать преступленіе, котораго ты не хочешь видѣть... Они не услышатъ тебя, они слышать только себя!.. Но обернись же, Жуазель, умоляю тебя!.. Дѣло идетъ о твоей жизни и о всемъ счастьѣ, на которое ты имѣешь право!.. Не отталкивай истину, которая является спасти тебя, если у тебя хватитъ мужества принять ее! Она вернется только, чтобы заставить тебя плакать, когда будетъ уже поздно!.. Взгляни!.. Взгляни!.. Тебѣ не надо даже поворачивать головы!.. Твоя звѣзда милостива и неутомима!.. Не закрывай глазъ,

она откроетъ ихъ!... Гляди!... Тѣнь отъ ихъ рукъ, удлиненная луной, проползаетъ подъ кустарниками и достигаетъ твоихъ колѣнъ! Гляди!... Она смѣется надъ тобой и поднимается до твоихъ губъ...

Жуазель. Нѣтъ.

Молчаніе.

Мерлинъ. Я понимаю тебя, Жуазель. Ты не можешь отказаться отъ остатковъ своей любви въ моемъ присутвіи.. Я оставляю тебя одну лицомъ къ лицу съ твоимъ долгомъ и лицомъ къ лицу съ твоей судьбой... Подобныя жертвы не любятъ свидѣтелей и требуютъ тишины... Истина здѣсь, малодушно бѣжать отъ нея... Ты сумѣешь взглянуть ей въ лицо, когда останешься одна... Еще не поздно... Я преклоняюсь передъ тобой, Жуазель... Твоя жизнь и твое счастье вызываютъ къ твоему мужеству и зависятъ отъ одного взгляда!...

Мерлинъ уходитъ. Жуазель долгое время сидитъ неподвижно на скамьѣ, глядя прямо передъ собой широко раскрытыми глазами. Потомъ она встаетъ, выпрямляется и медленно уходитъ, не поворачивая головы.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Зало во дворѣ. Направо въ глубинѣ большое мраморное ложе, на которомъ лежитъ безъ чувствъ Лансеоръ. Жуазель съ распущенными волосами въ волненіи хлопочетъ около него.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Жуазель, Лансеоръ, потомъ Мерлинъ.

Жуазель. Лансеоръ! Лансеоръ!... Онъ не слышитъ меня!... Глаза его широко раскрыты... Лансеоръ, я здѣсь, наклоняюсь къ тебѣ... Взгляни на меня, взгляни!.. Нѣтъ, онъ меня не видитъ!... Лансеоръ, сжался!... Если голосъ твой слишкомъ слабъ, сдѣлай хоть одно движеніе!.. Я обниму тебя своими любящими руками!.. Очнись, очнись, приди въ себя, для нашей великой любви!.. Смотри, смотри, вотъ я приподнимаю моими руками твою голову... Узнаешь ли ты мои руки, ласкающія твои волосы?... Ты часто говорилъ мнѣ въ минуты счастья, ты часто говорилъ, что малѣйшая ласка этой любимой тобою руки вернула бы твою душу, если бы она даже наслаждалась высшимъ счастьемъ въ раю или была погружена въ глубокій мракъ... Нѣтъ, нѣтъ, душа его здѣсь!... Но голова его склоняется,

рука безжизненно падает и мнѣ кажется, что пальцы его холодиѣе этого мрамора... Машинально шупаетъ одну изъ колоннъ ложа. Нѣтъ, это не то же самое... Но я должна знать... И его глаза уже не тѣ... Поднимаетъ его голову. Чьи это глаза помугились, его или мои?... Нѣтъ, это невозможно!.. Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу! Я заставлю тебя открыть губы!... Прижимается губами къ губамъ Лансеора. Лансеоръ! Лансеоръ! Я перелью въ твое сердце все пламя моей жизни!.. Не бойся, не бойся ничего! Это пламя спасаетъ и жизнь даетъ жизнь!... Вдохни его все до послѣднихъ изгибовъ моего дыханія, которое любить тебя... Я желала бы задохнуться, мѣняясь нашими жизнями!... Я вливаю въ тебя мою силу, мои часы и годы!... Бери, бери!... Тебѣ стоитъ сдѣлать одно движеніе, полуоткрыть губы!.. Это должно быть! Надо, чтобы было возможно оживлять такъ тѣхъ, кого любишь больше себя!... Если имъ отдаешь все, они должны брать!... Приподнимаетъ голову Лансеора. Онъ падаетъ! Онъ умираетъ!... Въ себя беретъ его въ объятія. Помогите!.. Нѣтъ, это слишкомъ!... Помогите! Придите!... А! нѣтъ, я знаю, нѣтъ, нѣтъ, это не она!.. Она приходитъ не такъ, когда ей грозитъ любовь!.. Нѣтъ, нѣтъ, я ничего не боюсь, нѣтъ, нѣтъ, я не хочу!... Я зову на помощь! Я не могу оставаться одна, я не могу бороться одна со всѣми силами приближающейся смерти!... Если никто не придетъ, она побѣдитъ!... Помогите, прошу васъ! Долженъ же кто-нибудь помочь!... Должна же жизнь мнѣ помочь, или мы погибнемъ.

Падаетъ, рыдая, на безжизненное
тѣло Лансеора. Входитъ Мерлинъ.

Мерлинъ. Жуазель, я здѣсь...

ЖУАЗЕЛЬ вскакиваетъ, какъ бы желая бѣжать навстрѣчу Мерлину, но продолжаетъ крѣпко обнимать Лансеора. А! это вы!... Такъ это вы!... Наконецъ пришла помощь и жизнь!... Взгляните же, поглядите!.. Пора, онъ снова падаетъ!... Я умоляю васъ на колѣняхъ!... Да, да, вы все можете, я это ясно вижу!... А! Въ такія минуты видѣть ясно среди такого мрака, гдѣ никогда не проносились мѣры!... Умоляю васъ, скажите, что надо сдѣлать?.. Я больше не Жуазель, я не строптива и у меня нѣтъ больше гордости... Я разбита и мертва, я пресмыкаюсь у вашихъ ногъ, теперь вопросъ не въ любви и не въ поцѣлуяхъ и подобныхъ ничтожныхъ вещахъ!... Жизнь и смерть стоятъ здѣсь лицомъ къ лицу, борются на нашихъ глазахъ и ихъ надо разнять.. Вы стоите неподвижно!... О, я знаю — вы ненавидите этого беззащитнаго человѣка... Да, вы правы, онъ все, что вы хотите, онъ трусъ, онъ клятвопреступникъ, онъ вашъ врагъ, онъ измѣнялъ двадцать разъ, пусть будетъ по-вашему... Да, я признаю все это, я была не права, сознаюсь, и я его больше не люблю, если вы этого хотите, и я готова на все, лишь бы онъ былъ спасенъ!.. Одно это необходимо и объ одномъ этомъ идетъ дѣло, все остальное будущее!... Но подойдите же, подойдите, вѣдь я же говорю вамъ, она побѣждаетъ, она похититъ его!.. Посмотрите, руки его синѣютъ и глаза меркнуть, это ужасно!..

Мерлинъ. Жуазель, не бойся ничего. Его жизнь въ моихъ рукахъ, и я спасу его, если ты этого захочешь...

Жуазель. Если я этого захочу!... Но развѣ вы не видите, что, еслибы вы колебались... но развѣ вы не знаете, что, еслибы было нужно для него... Нѣтъ, нѣтъ, я хотѣла сказать... Горе помрачаетъ мой разумъ... Онъ не дышитъ,

я не слышу больше біенія его сердца. . Вы такъ медлите!... Или вы не вѣрите, что есть опасность, что надо спѣшить?... Я не скажу больше ни слова, я заставляю васъ терять минуты, которыя, можетъ быть, нужны для его спасенія... Если вы не хотите сами спасти его — я это понимаю, вы не любите его, — скажите мнѣ, что нужно сдѣлать, чтобы помочь ему и я сумѣю все сдѣлать... Я вижу, я увѣрена, что больше нельзя ждать, надо спѣшить...

Мерлинъ. Я сказалъ тебѣ, Жуазель, его жизнь въ моей власти, и онъ не можетъ умереть, если я не захочу этого. Я предупредилъ тебя. Ядъ оказываетъ свое дѣйствіе, я узнаю его. Одинъ я могу его спасти, вырвать у смерти, возвратить ему силу и красоту и вернуть его тебѣ такимъ, какимъ онъ былъ прежде...

Жуазель. Не медлите, умоляю васъ!... Что мнѣ до его красоты, если жизнь его ускользаетъ изъ нашихъ рукъ!... Верните его, каковъ онъ есть, какимъ бы онъ ни былъ... Что мнѣ до того, только бы я не потеряла его, только бы онъ былъ живъ!..

Мерлинъ. Да, я верну его тебѣ. Я два раза сдѣлалъ то, въ чемъ я раскаиваюсь, и что сдѣлаю въ послѣдній разъ, если ты этого просишь. Но это жертва, которую я не принесъ бы никому другому кромѣ тебя. Возвращая ему жизнь, я рискую своей. Чтобы разбудить его силы и оживить его душу, я долженъ отдать ему часть моихъ силъ и моей души. Можетъ случиться, что онъ возьметъ у меня больше, чѣмъ я имѣю, и я упаду мертвымъ рядомъ съ соперникомъ, котораго я оживлю... Нѣкогда я рисковалъ такъ своей жизнью для перваго встрѣчнаго, почти не колеблясь и ничего не требуя взаменъ... Но теперь я сталъ

осторожнѣе и разсудительнѣе... Если я отдаю свою жизнь, справедливость требуетъ, чтобы за нее платили и платили впередъ. И я отдамъ ее ему, если ты общаешь подарить мнѣ самую дорогую минуту твоей жизни...

Жуазель. Что я должна сдѣлать?...

Мерлинъ въ сторону. О бѣдное, невинное дитя!... И вы, мои цѣломудренныя мысли, не смѣшивайтесь съ отвратительными словами, которыя будутъ раздаваться вокругъ ихъ любви!... Я краснѣю при мысли объ испытаніи, и мнѣ стыдно словъ, которыя я долженъ произнести... Ты меня простишь, когда все узнаешь... Это говорю не я, за меня говоритъ будущее, котораго человѣкъ не долженъ бы знать, безстыдное и безжалостное будущее, приподнимающее завѣсу надъ однимъ днемъ, освѣщающее одну судьбу и скрывающее все остальное,— будущее, которое хочеть, чтобы я узналъ, тебя ли оно предназначило...

Жуазель. Что вы говорите?... Почему вы медлите?... Мнѣ кажется, ни въ томъ, ни въ этомъ свѣтѣ нѣтъ ничего, на что бы я не согласилась...

Мерлинъ. Я не буду больше говорить загадками... Человѣкъ, котораго ты видишь и обнимаешь, такъ же близокъ къ смерти, какъ еслибы онъ лежалъ на своей могильной плитѣ... Одно движеніе можетъ вернуть его къ жизни, одно движеніе можетъ повернуть его въ могилу... Итакъ, въ то самое мгновенье, какъ ты произнесешь „да“ и прежде чѣмъ эхо, дремлющее подъ этими мраморными сводами, успѣетъ повторить твое согласіе, я сдѣлаю движеніе, которое вырветъ его изъ мрака. Ты должна обѣщать, что ты придешь сегодня ночью сюда, въ эту залу, гдѣ я верну его тебѣ, и на этомъ же ложѣ, надъ кото-

рымъ ты склоняешься, ты отдашься мнѣ безъ стыда и добровольно...

Жуазель. Мнѣ?... Мнѣ отдаться вамъ?...

Мерлинъ. Да.

Жуазель. Мнѣ, мнѣ отдаться вамъ, когда вы вернете его мнѣ?...

Мерлинъ. Чтобы затѣмъ онъ былъ тебѣ возвращень.

Жуазель. Нѣтъ, я не поняла... Существуютъ, вѣроятно, слова, которыхъ я не понимаю... Нѣтъ, невозможно, чтобы человѣкъ, а не духъ тьмы, поступилъ такъ въ минуту, когда всѣ муки любви не знаютъ, на что надѣяться и что предпринять... Нѣтъ, я не поняла, и я оскорбляю васъ... Вы должны меня простить, я невинная дѣвушка и не понимаю хорошо, что обозначаютъ эти слова... Но теперь я поняла... Да, вы правы... Да, да, вы хотите сказать, что мнѣ слѣдуетъ взять на себя часть опасности и что моя жизнь должна соединиться на мгновение съ вашей, чтобы создать другую жизнь, которая оживитъ его... Я хочу взять эту часть, я хочу взять ее одна, я хочу взять ее всю, возможно большую часть ся — я только не смѣла надѣяться, что вы дадите ее мнѣ!...

Мерлинъ. Жуазель, время идетъ... Не пытайся найти другое объясненіе, ты знаешь, чего я требую, и слово обозначаетъ то, чему ты не рѣшаешься вѣрить...

Жуазель. И я должна буду отнять у него все въ ту минуту, когда онъ снова вернется ко мнѣ, когда онъ снова начнетъ дышать въ моихъ объятіяхъ и улыбаться вновь найденной любви?... Но что же ему останется, если вы все возьмете у него, и что же я скажу ему въ отвѣтъ на его поцѣлуи?...

Мерлинъ. Ты ему ничего не скажешь, если хочешь, чтобы онъ былъ счастливъ...

Жуазель. Но я должна все сказать, если я люблю его!... Нѣтъ, нѣтъ, я ясно вижу, это невозможно, этого не можетъ быть. Должны же существовать боги или демоны, чтобы препятствовать этому, иначе я не знаю, зачѣмъ же жить... Я довѣряю имъ, я довѣряю вамъ... Это испытаніе и все это не можетъ быть въ дѣйствительности... Миѣ кажется, что вы уже смотрите на меня съ меньшимъ гнѣвомъ... Слушайте, я умоляю васъ, я бросаюсь къ вашимъ ногамъ и цѣлую ваши руки... Я во всемъ вамъ признаюсь... Я васъ не любила, вы его слишкомъ ненавидѣли, но я никогда не думала, что вы несправедливы или недостойны любви... Когда вы вошли, я, не задумываясь, пошла вамъ навстрѣчу, я просила васъ вырвать у смерти единственнаго человѣка, котораго я люблю, а между тѣмъ я знала, что вы меня тоже любите... Не знаю почему, но внутренній голосъ говорилъ миѣ, что вы великодушны и способны на то, что я сдѣлала бы для васъ, что сдѣлалъ бы онъ самъ. И еслибы вы сдѣлали то, что сдѣлали бы мы, мы отдали бы вамъ часть нашей любви, не менѣе нѣжную и прекрасную...

Мерлинъ. Да, я знаю. Когда я верну ему жизнь, рискуя моею, ты отдашь ему поцѣлуи, губы и глаза, дни и ночи, все, что составляетъ мимолетное и непрочное счастье любви!... А я получу гораздо больше,— иногда, случайно проходя мимо, миѣ бросать ласковую улыбку, которой меня не лишать, если я буду скромнѣе и не буду требовать ее слишкомъ часто... Нѣтъ, Жуазель, въ моемъ возрастѣ уже не довольствуются такими иллюзіями и об-

манчивыми мечтами. Для меня прошло время героической лжи. Я хочу имѣть то, чѣмъ онъ будетъ владѣть. Миѣ не нужна твоя улыбка, я знаю, что она невозможна, миѣ нужна ты сама, вся ты, хотя бы на одно мгновенье. И это мгновенье придетъ. Онъ дастъ миѣ его... Подходя къ Лансеору. Взгляни на него, Жуазель, его лицо мѣняется. Мы слишкомъ долго медлили, и опасность увеличивается съ каждой секундой... Ты придешь?..

Жуазель, глядя вокругъ себя съ безумнымъ видомъ. Ничто не колеблется, ничто не разрушается! О, какъ я одинока на этомъ свѣтѣ!...

Мерлинъ, ошупывая тѣло. Опасность приближается... Я узнаю признаки...

Жуазель. Хорошо, да, я приду!... Я приду, какъ только наступитъ ночь! Я приду, какъ только наступитъ вечеръ!... Но сначала спасите его и верните ему жизнь!... Смотрите, глаза его впали и губы поблѣднѣли, а я торгуюсь здѣсь за его дни, какъ будто дѣло идетъ...

Мерлинъ. Онъ будетъ возвращенъ тебѣ, но, помни, Жуазель, если ты не исполнишь своего обѣщанія, рука, исцѣлившая его, поразитъ его безъ пощады...

Жуазель. Я сдержу свое слово, я пошла бы на колѣняхъ на край свѣта, чтобы сдержать его!.. Я приду, говорю вамъ! Я отдаюсь вся и я вся ваша!... Чего же еще вамъ надо? У меня ничего не остается!...

Мерлинъ. Хорошо. Я получилъ твое обѣщаніе и исполню свое. Въ сторону, обнимая Лансеора. Прости меня, сынъ мой, во имя твоей судьбы, требующей этого страданія... Наклоняется надъ Лансеоромъ и медленно цѣлуетъ ему вѣки и губы. Громко. Вотъ онъ возвращается изъ областей, гдѣ

царить мракъ... Жизнь вернулась къ нему, но совсѣмъ она проснется только въ страстныхъ объятіяхъ. Я оставляю тебя. Помни свое слово...

Уходить.—Жуазель обняла Лансеора и съ безпокойствомъ смотритъ на него.—Вскорѣ глаза его полуоткрываются и руки дѣлаютъ слабое движеніе.

Жуазель. Лансеоръ!.. Глаза открылись и снова закрылись, и я видѣла, какъ въ нихъ блеснуль свѣтъ!.. И руки его, кажется, ищутъ моихъ рукъ!... Вотъ онѣ, Лансеоръ, онѣ въ твоихъ рукахъ... и твои руки уже не такъ холодны. Мои руки не смѣютъ покинуть твои, боясь потерять ихъ, а мнѣ бы такъ хотѣлось поддержать твое плечо и обнять твою шею, которая склоняется мнѣ на грудь... Всѣ сокровища возвращаются и возвращаются сразу!... Я слышу бѣненіе его сердца, я вдыхаю его дыханіе, у меня все было отнято и вотъ все возвращено мнѣ!...—Слушай, Лансеоръ, я хочу видѣть тебя, я ищу твое лицо, не прячь его въ моихъ волосахъ, хотя они и любятъ тебя. Мои глаза любить тебя еще больше и хотятъ получить свою часть!... Лансеоръ приподнимаетъ немного голову. О, онъ услышалъ меня и исполнилъ мою просьбу!... Онъ здѣсь, онъ здѣсь, въ этомъ нѣтъ больше сомнѣнія, онъ здѣсь, болѣе живой, чѣмъ сама жизнь!... Онъ здѣсь со мной, розы утренней зари и цвѣты разсвѣта расцвѣли на его щекахъ и играютъ улыбкой на его устахъ, потому что онъ уже улыбается, какъ бы видить меня!... А! Боги безконечно милостивы!.. Они имѣютъ состраданіе къ людямъ... Есть небеса, доступныя молябамъ! Есть боги любви! Есть боги жизни!... Надо

поклоняться имъ и любить другъ друга, потому что они любягъ!.. Приди, приди, приди въ мои объятія, твои глаза еще ищутъ меня, а губы уже находятъ!.. Онѣ открываются, чтобы призвать мои. а мои уже ждуть ихъ и несутъ всю любовь!..

Молчаніе. Она цѣлуетъ его страстнымъ, медленнымъ поцѣлуемъ.

Лансеоръ, приходя въ себя. Жуазель...

Жуазель. Да, да, это я, это я, взгляни на меня, взгляни!.. Вотъ мои руки, мое лицо, мои волосы, мои плечи.. И вотъ мои поцѣлуи, по которымъ ты узнаешь меня!..

Лансеоръ. Да, это ты, это ты, и это свѣтъ... И залу эту я видѣлъ... Погоди немного... Что со мной случилось!.. Я припоминаю, припоминаю.. я лежалъ тамъ... не знаю, гдѣ... за большими дверями, которыя кто-то пытался открыть... я былъ погребенъ и мнѣ становилось холодно... А потомъ я звалъ тебя, звалъ, не переставая, а ты не приходила...

Жуазель. Нѣтъ, я пришла, я была съ тобой, я была съ тобой!..

Лансеоръ. Нѣтъ, тебя не было... Кругомъ былъ ледяной холодъ и мракъ, и жизнь моя угасала... Но теперь это ты!.. Да, да, мои глаза увидали тебя, вдругъ узнали тебя, выйдя изъ мрака... Яркій свѣтъ напрасно старается ослѣпить ихъ... Ты здѣсь, и я перехожу въ объятіяхъ любви изъ могилы къ свѣту и радости! Это кажется невозможнымъ тому, кто приходитъ изъ другого міра!.. Я долженъ прикоснуться къ тебѣ... я долженъ упиться ласками твоихъ рукъ, сияніемъ твоихъ глазъ, я долженъ дер-

жать въ рукахъ золото твоихъ волосъ. говорящихъ мнѣ, что наступилъ день!.. А, ты не знаешь, какъ любить, умирая, и какъ я буду любить тебя теперь, когда я потерялъ и вновь нашелъ тебя!..

Жуазель. Я тоже, я тоже!..

Лансеоръ. А радость пробужденія въ рукахъ, которыя крѣпко обнимаютъ тебя и еще дрожать, потому что онѣ больше не надѣялись!.. Чувствуешь ты, какъ дрожать твои руки и какъ обожаютъ тебя мои?... Онѣ ищутъ другъ друга, сплетаются, боятся потерять другъ друга и не смѣютъ разомкнуться!.. Онѣ не повинуются намъ, онѣ не заѣчаютъ, что причиняютъ намъ боль, и онѣ задушатъ насъ въ своемъ слѣпомъ опьяненіи!.. А! Онѣ познали, что такое объятіе страстнаго существа, и хотѣлось бы умереть, чтобы разгадать жизнь и познать любовь!..

Жуазель. Да, хотѣлось бы умереть!..

Лансеоръ. Странно, когда я лежалъ тамъ, въ ледяномъ мракѣ, кто-то подошелъ ко мнѣ, и мнѣ казалось, что я узналъ!..

Жуазель. Это былъ онъ.

Лансеоръ. Кто?

Жуазель. Владѣтель этого острова.

Лансеоръ. Онъ?... Но вѣдь онъ ненавидитъ меня.

Жуазель. Это былъ онъ.

Лансеоръ. Я не ясно понимаю... Такъ это онъ вернулъ меня къ любви, къ жизни?... Онъ пожелалъ вернуть меня той, которая любила меня и которую любилъ онъ самъ?..

Жуазель. Да.

Лансеоръ. Почему онъ это сдѣлалъ?..

Жуазель. Я его такъ умоляла, что онъ согласился...

Лансеоръ. Онъ колебался?

Жуазель. Да.

Лансеоръ. Почему?

Жуазель. Онъ говорилъ, что, спасая твою жизнь, онъ рискуеть своей.

Лансеоръ. Ничто не обязывало его дѣлать это... И такъ, онъ вернулъ жизнь единственному человѣку, отнявшему у него послѣднюю надежду на любовь, которая составила бы счастье его жизни!..

Жуазель. Да.

Лансеоръ. И онъ сдѣлалъ это, ничего не требуя взаменъ, просто изъ чувства доброты, состраданія, великодушія?..

Жуазель. Да.

Лансеоръ. Какъ мы были несправедливы!.. И худшіе враги оказываются лучше, чѣмъ о нихъ думаешь!.. Сокровища благородства и любви таятся въ сердцахъ даже самой ненависти!.. То, что онъ сдѣлалъ!.. Нѣтъ, я не знаю, сдѣлалъ ли бы я это, и я никогда не думалъ, что этотъ несчастный старикъ... Не правда ли, Жуазель, это почти невѣроятный, это геройскій поступокъ?..

Жуазель. Да.

Лансеоръ. Гдѣ онъ? Мы должны пойти и броситься къ его ногамъ, признаться въ своемъ заблужденіи, заглавить несправедливость, которую мы совершили, не любя его... Онъ долженъ имѣть свою часть, лучшую часть въ счастьѣ, которое онъ вернулъ намъ!.. Мы должны отдать ему наши сердца, нашу радость, наши улыбки и слезы любви, все, что можно дать тому, кто даетъ все!..

Жуазель. Мы пойдемъ, пойдемъ...

Лансеоръ. Жуазель, что съ тобой?.. Ты едва отвѣ-
чаешь мнѣ... Не знаю, можетъ быть, чувства мои еще не
совсѣмъ освободились отъ мрака, въ который они были по-
гружены, но я съ трудомъ узнаю твои слова и движенія...
Можно подумать, что ты стараешься что-то понять и
сомнѣваешься, не ясно сознаешь... Я вернулся къ тебѣ,
полный радости и любви, и не вижу въ тебѣ отвѣта...
Глаза твои избѣгаютъ моихъ и твои руки покидаютъ меня..
Что же произошло?.. Зачѣмъ было вызывать меня изъ мрака
и возвращать мнѣ жизнь, если я потерялъ все, что люблю?..

Жуазель. О, нѣтъ, нѣтъ, Лансеоръ, ты не потерялъ
меня!..

Лансеоръ. Твой голосъ ищетъ улыбки, но въ немъ
звучитъ страданіе...

Жуазель. Да, я хотѣла бы улыбаться, и я уже улы-
баюсь... Но не удивляйся, я плакала такъ долго и съ та-
кимъ отчаяніемъ, что слезы помимо моей воли и теперь
еще подступаютъ къ глазамъ... Радость была такъ далеко,
что она не можетъ вернуться съ первымъ поцѣлуемъ... Ихъ
понадобится очень много, чтобы увѣренность снова овла-
дѣла моимъ сердцемъ, и я почти печальна въ моемъ сча-
стьѣ.

Лансеоръ. О, моя бѣдная Жуазель!.. Такъ вотъ что
значитъ твое строгое молчаніе?.. А я волнуюсь, какъ глу-
пый ребенокъ... Я думаю только о себѣ, я опьяненъ жизнью
и ничего не понимаю... Я забываю, что на твоемъ мѣстѣ
я потерялъ бы мужество... Это вѣрно, ты права, это ты,
а не я, возвращаешься отъ смерти. Когда два существа
любятъ такъ, какъ мы любимъ другъ друга, умираетъ въ

дѣйствительности тогъ, кто остается жить... Не скрывай своихъ слезъ... Чѣмъ ты печальнѣе, тѣмъ сильнѣе я чувствую твою любовь... Теперь я буду заботиться о тебѣ, теперь я вызову твою душу, согрѣю твои бѣдныя руки и поцѣлуюми верну тебя къ счастью, едва не потерянному нами... Мы скоро найдемъ его, потому что насъ ведетъ любовь... Она торжествуетъ надъ всѣмъ, когда встрѣчаетъ два сердца, отдающіяся ей добровольно и безстрашно.. Все остальное не существуетъ, все остальное забывается, все остальное удаляется и уступаетъ ей мѣсто...

Жуавель, пристально глядя передъ собой. Все остальное удаляется и уступаетъ ей мѣсто...

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ГАЛЛЕРЕЯ ВО ДВОРЦѢ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Входятъ Мерлинъ и Лансеоръ.

Лансеоръ. Отецъ!.. Такъ это правда, вы мой отецъ!.. Съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ это, мнѣ кажется, что мое ясновидящее сердце всегда знало это... Подходить ближе. Да, какъ это странно! Я вижу васъ снова такимъ, какимъ видѣли среди дѣтскихъ игръ. Когда я гляжу на васъ, я какъ бы вижу въ зеркалѣ свое отраженіе, но болѣе серьезное, благородное и глубокое, чѣмъ то, какое я вижу въ окружающихъ меня зеркалахъ. Но что скажетъ Жуазель?.. Она громко разсмѣется, вспомнивъ свои опасенія, потому что она вообразила... Нѣтъ, пусть она въ наказаніе за свои безумные ужасы сама расскажетъ вамъ, что она думала... Она ненавидѣла васъ, но въ этой ненависти таилась нѣжность, и она готова была улыбнуться, — въ нее какъ бы уже проникли лучи любви... Гдѣ она прячется?.. Вотъ уже два часа, какъ я напрасно ищу ее... Видѣли вы ее? Я долженъ сейчасъ же сказать ей, какое неожиданное счастье принесъ намъ сегодняшній вечеръ...

Мерлинъ. Погоди. Пока не кончится этотъ день, я долженъ оставаться для нея безжалостнымъ тираномъ, котораго прокликаетъ ея сердце... Мое бѣдное, дорогое дитя!.. Какъ я мучилъ вашу чудную любовь!.. Но я уже открылъ тебѣ цѣль этихъ испытаній... Заставляя васъ страдать, я былъ только исполнителемъ судьбы и негодующимъ рабомъ другой воли, источникъ которой мнѣ невѣдомъ и которая, повидимому, требуетъ, чтобы самое маленькое счастье сопровождалось слезами... Чтобы ускорить ваше счастье, я спѣшилъ вызвать эти слезы, предназначенныя вамъ судьбой... Когда-нибудь вы узнаете, благодаря какой силѣ, не заключающей въ себѣ ничего волшебнаго и сверхчеловѣческаго и таящейся въ глубинѣ каждой жизни, я вызываю иногда нѣкоторые призраки и явленія, которые приводили васъ въ заблужденіе. Вы узнаете также, что я пріобрѣлъ даръ, часто бесполезный, читать въ будущемъ нѣсколько ясиѣе и дальше, чѣмъ другіе люди... Я видѣлъ, какъ вы оцѣпью искали другъ друга во времени и пространствѣ, для любви единственной, самой совершенной, можетъ быть, какую сохранили въ своей тѣни два—три вѣка, промелькнувшіе передъ моими глазами... Вы могли бы соединиться послѣ многихъ заблужденій. Но надо было ускорить эту встрѣчу изъ-за тебя, сынъ мой, потому что безъ любви тебѣ бы грозила смерть... Съ другой стороны, ничто не указывало на предназначение Жуазель для этой любви, кромѣ нѣсколькихъ неясныхъ чертъ и испытаній, которыя она должна была преодолѣть. Я ускорилъ предназначенныя испытанія, всѣ они были трудны, но неизбежны, послѣднее будетъ самымъ суровымъ и рѣшительнымъ...

Дансворъ. Суровымъ?.. Что вы хотите сказать?.. Оно не грозитъ опасностью Жуазель или кому-нибудь другому?..

Мерлинъ. Оно не опасно для Жуазель, но оно въ послѣдній разъ грозитъ опасностью предназначенной любви, которая сплетается съ твоей жизнью... Поэтому, несмотря ни на что, несмотря на мою вѣру, несмотря на мои предвидѣнiе и увѣренность, я боюсь и дрожу при приближенiи рѣшающаго часа...

Лансеоръ. Если должна рѣшить Жуазель, любви нечего бояться... Идите, не медлите, Жуазель всегда будетъ источникомъ радости... Но я не понимаю, какъ, зная будущее, вы не можете провидѣть ея торжество?..

Мерлинъ. Я вамъ уже сказала, что Жуазель можетъ измѣнить будущее, съ которымъ она мужественно вступаетъ въ борьбу... Она обладаетъ силой, которую я не видалъ ни въ комъ, кромѣ нея. И поэтому я боюсь, чтобы блестящая побѣда, предвкушаемая твоей любовью, не омрачилась слезами и печалью...

Лансеоръ. Что вы хотите сказать?.. Вы обезпокоены... Что вы отъ меня скрываете?.. Какъ вы можете думать, что Жуазель можетъ когда-нибудь быть причиной слезъ или печали?.. Все въ Жуазели, даже страданiе, которое она могла бы причинить, все въ ней приноситъ спасенiе, счастье, любовь!.. О, я ясно вижу, какъ мало вы знаете жизненную силу и вѣчное сiянiе, таящiяся въ ея голосѣ, въ ея глазахъ, въ ея сердцѣ!.. Надо было держать ея въ своихъ объятiяхъ, чтобы постичь, какiя сокровища надежды, какiя волны увѣренности исходятъ изъ малѣйшаго слова, которое лепечать ея уста, изъ малѣйшей улыбки, играющей на ея челѣ... Но я задерживаю нетерпѣливую побѣду... Идите, идите, отецъ... Я остаюсь здѣсь, я буду ждать, я буду слѣдить за убѣгающими счастливыми минутами, пока гром-

кій, радостный крикъ моей Жуазель не возвѣститъ мнѣ что любовь упрочила нашу судьбу...

Мерлинъ цѣлуетъ Лансеора и медленно уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Мерлинъ, Ариэль, затѣмъ Жуазель и Лансворъ.

Та же зала, что и въ четвертомъ дѣйствіи. Луна заливаетъ ее голубымъ свѣтомъ. Направо, на большомъ мраморномъ ложѣ сидятъ Мерлинъ, Ариэль въ голозахъ стоитъ на колѣняхъ на ступеняхъ, ведущихъ къ ложу.

Мерлинъ. Ариэль, часъ пробилъ, Жуазель приближается... Я пожертвовалъ своей бесполезной жизнью, и все-таки мнѣ хотѣлось бы, чтобы моя смерть, если возможно, не опечалила этой любви, самой пылкой и самой невинной, которая когда-либо существовала на землѣ... Но ты дрожишь, ты плачешь, ты прячешь глаза, расширившіеся отъ слезъ... Что ты видишь, дитя мое, на что ты смотришь съ такимъ ужасомъ?..

Ариэль. Повелитель, умоляю тебя, откажись отъ этого испытанія, пока не поздно!.. Глаза мои не видятъ ничего за туманомъ, окружающимъ его... Оно можетъ быть смертельно, я это вижу, я чувствую, и случай обѣ наши жизни вложилъ въ руку ослѣпленной и обезумѣвшей дѣвственницы... Я не хочу умирать!.. Можно найти другой исходъ... Я тебя всегда служила, какъ сама твоя мысль... Но сегодня я боюсь, я не могу больше слѣдовать за тобой... Ты

вѣдь знаешь, что моя смерть послѣдуетъ, какъ эхо, за твоей... Откажись, мы поищемъ въ будущемъ другой исходъ и мы еще можемъ избѣжать опасности...

Мерлинъ. Я не могу отказаться отъ послѣдняго испытанія. — Ты должна наблюдать, чтобы оно пришло къ желаемому концу. Ты должна удержать еще не неизбѣжный ударъ, который Жуазель собирается нанести намъ...

Аріэль. Но я не знаю, смогу ли я это сдѣлать!.. Сила Жуазель такъ быстра и глубока, что она ускользаетъ отъ моихъ рукъ, она ускользаетъ отъ моихъ глазъ, она ускользаетъ отъ судьбы!.. Я вижу только сверканіе падающей стали... Все покрывается тѣнью, и моя жизнь и твоя зависятъ отъ одного движенія моей неискусной руки...

Мерлинъ. Она здѣсь, я слышу, она нащупываетъ дверь. — Повинуйся и молчи, я тоже повинуюсь. Наблюдай и будь быстра и сильна. — Я закрою глаза и буду ждать своей судьбы...

Аріэль, въ ужасѣ, вѣтъ себя. Откажись!.. Я не могу!.. Я отказываюсь!.. Я скроюсь!..

Мерлинъ повелительно. Молчи...

Ложится на ложе, закрываетъ глаза и притворяется крѣпко спящимъ. Аріэль съ подавленными рыданіями опускается на ступени. — Налѣво, на противоположномъ концѣ залы, отворяется маленькая дверь, въ которую входитъ Жуазель, закутанная въ длинный плащъ, съ лампой въ рукахъ. — Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, она останавливается. — Аріэль встаетъ и, невидимая за тяжелыми занавѣсами, ждетъ у подножья ложа.

ЖУАЗЕЛЬ останавливается съ блуждающимъ взоромъ, смущенная дрожащая. Здѣсь... Сейчасъ... Я сдѣлала послѣдній шагъ... До этой минуты, которую уже нельзя удержать и которой суждено увидеть нѣчто, что нельзя уничтожить, до тѣхъ поръ пока эта маленькая дверь не затворилась и не взяла въ плѣнъ судьбы двухъ людей, я знала, знала все, что надо было дѣлать... О, я разсудила и хорошо обдумала все!.. Былъ только одинъ исходъ, никакого другого не было, онъ былъ вѣренъ, справедливъ и неизбѣженъ!.. Но теперь все измѣнилось, и я все забыла... Существуютъ другія силы и другіе голоса, и я одна должна бороться съ голосами ночи, полной сомнѣній... Справедливость, гдѣ ты?.. Справедливость, что надо дѣлать?.. Я готова была дѣйствовать, потому что ты этого хотѣла... Ты убѣдила меня и принудила меня... Еще сейчасъ, тамъ, гдѣ тысячи звѣздъ, освѣщали эту дверь и гдѣ ты зывала къ нимъ, чтобы укрѣпить мою душу... Тамъ я не сомнѣвалась!.. Все во мнѣ, что дышетъ и трепещетъ, что любить и имѣть право на любовь, было исполнено увѣренности, сіявшей въ моемъ сердцѣ... Но ставъ лицомъ къ лицу съ поступкомъ, ты сама отступаешь, ты отрицаешь свои законы и покидаешь меня!.. О, я чувствую себя такой одинокой, отданной, какъ слѣпая рабыня, во власть неизвѣстнаго... Я пойду, не глядя... Я ни на что не взгляну и не подниму моихъ обезумѣвшихъ глазъ на ложе, пока не совершится... Идетъ какъ бы механическимъ шагомъ до подножья ложа. Теперь сама судьба скажетъ да или... Поднимаетъ лампу, взглядываетъ на ложе и видитъ спящаго Мерлина. Она съ удивленіемъ отступаетъ. Онъ спитъ!.. Что это?.. Этого я не предвидѣла... Все кромѣ этого... Должна ли я еще ждать?.. О, я хотѣла бы подо-

ждать!.. Онъ крѣпко спитъ... Такъ онъ совѣмъ не хотѣлъ... Но если бы онъ не спалъ, я не могла бы этого сдѣлать... Онъ бы обезоружилъ меня, онъ бы овладѣлъ мной... Это сама судьба, справедливая и добрая судьба предастъ его мнѣ... А я еще искала указанія?.. Вотъ оно указаніе!.. Чего же больше мнѣ нужно?.. А между тѣмъ, если онъ спитъ, я не знаю... Можетъ быть, онъ бы сжалился, можетъ быть, онъ бы отказался и сказалъ бы мнѣ „уходи“?.. Онъ не былъ безсердеченъ и часто онъ говорилъ со мной, какъ отецъ... О, еслибы онъ поднялся, еслибы онъ стоялъ съ протянутыми ко мнѣ руками, желая... Тогда, тогда бы я была сильна и я побѣдила бы!.. Но когда человѣкъ спитъ... Это разбиваетъ ненависть... И потомъ не знаешь... И этотъ сонъ, который можно нарушить однимъ словомъ, превратить въ тотъ сонъ, который не могутъ уже нарушить никакія человѣческія и сверхчеловѣческія силы!.. О, мнѣ хотѣлось бы услышать хоть одно слово прощенія... Нѣтъ, я слишкомъ труслива!.. Это боязнь ищетъ предлога... Я пришла не для того, чтобы еще раздумывать... Послѣ того, что онъ сдѣлалъ и сказалъ, не можетъ быть больше сомнѣнія!.. Я должна слушать только свой голосъ, голосъ своей судьбы, которая хочетъ, чтобы я спасла насъ!.. Тѣмъ хуже, если я ошибаюсь!.. Я права! Я права!.. Гасни, моя лампа, я видѣла, что нужно было видѣть... Тушить лампу, ставить ее на одну изъ мраморныхъ ступеней, выхватывать кинжалъ, поднимать и глядеть на него. Теперь твой чередъ!.. О, еслибы ты могъ исполнить то, чего хочетъ моя мысль, моя поставленная въ безвыходное положеніе жалость, еслибы смерть, сверкающая на твоемъ остріѣ, не была бы дѣйствительной, непоправимой смертью!.. Довольно медлить... Время

настало... Что сказано, то должно быть исполнено, я поражаю его!..

Поднимаетъ оружiе, чтобы поразить Мерлина.—Аріэль, невидимая, схватываетъ ее за кисть и безъ видимаго усилiя останавливаетъ ея движеніе. Въ ту же минуту Мерлинъ съ улыбкой открываетъ глаза, выпрямляется и съ радостнымъ движеніемъ нѣжно обнимаетъ Жуазель.

Мерлинъ. Какъ хорошо!.. Жуазель велика и Жуазель торжествуетъ!.. Повинуясь любви, она побѣдила судьбу... Это тебя, дитя мое, предназначила судьба...

Жуазель, еще не понимая и стараясь освободиться. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!.. Я не могу... Если у меня мало сердца, то у меня достаточно мужества!.. Если у меня не хватаетъ силы, у меня еще вся жизнь... И никогда, нѣтъ, никогда, пока еще дышу...

Мерлинъ. Взгляни на меня, Жуазель... Я возвращаю силу рукѣ, поднятую тобой на защиту любви... Я отдаю ей оружiе, которымъ она хотѣла поразить меня и поразить заслуженно... До этого движенія все было неопредѣленно, теперь все ясно, свѣтло и опредѣленно... Взгляни на меня, Жуазель, и не бойся больше моихъ губъ... Онѣ ищутъ твоего лба, чтобы прикоснуться къ нему наконецъ поцѣлуемъ, какимъ отецъ цѣлуетъ дочь...

Жуазель. Что это, что вы хотите сказать?.. Я не понимаю!.. — Да, по вашимъ глазамъ мнѣ кажется, что вы меня любите, какъ любить свое дитя.—Значитъ, я ошибалась и я готова была?..

Мерлинъ. Нѣтъ, ты права, ты не была бы той, кого избрала любовь, еслибы ты не сдѣлала того, что хотѣла сдѣлать.

Жуазель. Я не понимаю, я какъ бы во снѣ... Но если эта не та ужасная вещь, то я съ радостью отдаюсь этому сну...

Мерлинъ. Да, это правда, моя Жузель, я все еще предаюсь радости при видѣ твоего счастливаго удивленія, при видѣ твоихъ взоровъ, въ которыхъ зарождается довѣріе... И твои глаза мнѣ кажутся такими прекрасными, когда они съ изумленіемъ глядятъ вокругъ себя и не знаютъ, на чемъ остановиться, какъ морскія птицы, потерявшія изъ глазъ берегъ, не знаютъ, куда направить свой полетъ.

Жуазель. Гдѣ онъ?

Мерлинъ. А! Это имя пробуждаетъ тебя и предъ взорами, блуждающими въ пространствѣ, обрисовывается берегъ!.. Слушай, я слышу его шаги... Твое сердце безъ нашего вѣдома сообщило ему, что твоя любовь дошла до высшей степени, какой только можно достигнуть... Онъ спѣшитъ сюда, онъ здѣсь...

Дверь отворяется. Входитъ Лансеоръ, за нимъ Аріэль, невидимая.

Лансеоръ. Отецъ!.. Она моя!..

Мерлинъ. Дитя мое, она побѣдила. Судьба отдаетъ тебѣ ее.

Лансеоръ, обнимая Жуазель и покрывая ее безумными поцѣлуями. О, я зналъ, я былъ въ этомъ увѣренъ!.. Жуазель, моя Жуазель!.. Я не спрашиваю, что ты могла сдѣлать, чтобы обезоружить судьбу... Я еще ничего не знаю,

но когда любишь, какъ мы любимъ другъ друга, то знаешь все впередъ, и я привѣтствую новую истину, которая обнаруживается, когда затрогиваютъ твое сердце!.. Отецъ, отецъ, я говорилъ вамъ!.. Но она не понимаетъ, почему я васъ обнимаю... Это правда, я слишкомъ тороплюсь... Подойди, Жуазель, я хочу обнять васъ обоихъ... Около насъ врагъ, любящій насъ, онъ долженъ былъ заставить насъ страдать... И этотъ любящій врагъ былъ моимъ собственнымъ отцомъ, котораго я считалъ умершимъ... Вотъ мой отецъ, вновь найденный мною отецъ... Онъ ждетъ только твоей улыбки, чтобы обнять и тебя... О! не отклоняйся, не гляди на меня такими глазами, въ которыхъ свѣтитъ упрекъ... Я ничего не скрылъ отъ тебя... Я узналъ это только сегодня вечеромъ, въ ту минуту, когда ты ушла отъ меня. И какъ только я это узналъ, я долженъ былъ скрыться отъ тебя, чтобы не выдать себя, потому что, повидимому, все наше счастье зависѣло отъ этой послѣдней тайны... А поручать тайну любви это все равно, что прятать зажженный свѣтильникъ въ хрустальную вазу... Ты все узнала бы, взглянувъ только на мои глаза, руки, даже на мою тѣнь. И я не могъ открыть тебѣ моего счастья... Ты не должна была знать его до великаго испытанія... Тебѣ суждено было совершить нѣчто невозможное... Что?... Я не знаю, но мнѣ пришлось уступить, мнѣ пришлось ждать и терпѣливо считать минуты того часа, который раздѣлялъ двѣ нетерпѣливыя страсти... Но теперь я пришелъ, я слушаю, я хочу знать... Говори, говори, я слушаю...

Жуазель, Если ты счастлива, я тоже счастлива... Я ничего больше не знаю... Я съ трудомъ просыпаюсь отъ ужаснаго и непонятнаго сна...

Мерлинъ. Да, моя бѣдная Жуазель, сонъ былъ ужасенъ, но онъ побѣжденъ, и испытаніе кончилось, создавъ счастье, которому больше не грозитъ ничто кромѣ врага, общаго всѣмъ людямъ...

Лансеоръ. Въ чемъ же состоитъ это ужасное испытаніе?..

Мерлинъ. Жуазель скажетъ это тебѣ съ первыми поцѣлуями, свободными отъ малѣйшаго безпокойства, которыми вы обмѣняетесь послѣ этой побѣды. Они лучше моихъ жалкихъ словъ смягчатъ то, чего нельзя простить въ этомъ испытаніи... Оно было опасно и почти невыполнимо... Жуазель могла выбрать другой путь... Она могла сдать, пожертвовать собой, принести въ жертву свою любовь, притти въ отчаяніе... Развѣ я знаю?... Она не была бы той, кого мы ждали... Судьба намѣтила только одинъ путь, она вошла на него, прошла по немъ до конца и спасла тебѣ жизнь, спасая свою любовь...

Жуазель. Итакъ, любовь должна пораждать и убивать все, что пытается встать на ея пути?..

Мерлинъ. Нѣтъ, Жуазель, не знаю... Не будемъ выводить законовъ изъ случайностей, схваченныхъ нами во мракѣ, окружающемъ наши мысли... Но та, которая должна была сдѣлать то, что ты хотѣла сдѣлать, была избрана судьбой для моего сына... Ты, ты одна и, можетъ быть, еще тѣ, кто немного походитъ на тебя, только вы имѣете право на любовь, указанную вамъ судьбой, и эта любовь должна разбить несправедливость... Я не выбиралъ тебя, это судьба избрала тебя, но я счастливъ, что она предпочла тебя всѣмъ другимъ женщинамъ...

Жуазель. Отецъ мой!... Я все еще дрожу, видя это

оружіе, которое въ продолженіе секунды... Простите меня, отецъ, я уже любила васъ...

Мерлинъ. Это я прошу тебя протянуть мнѣ руку, которая прощаетъ...

Жуазель. Нѣтъ, нѣтъ, это не должно быть холодное рукопожатье прошенія... Это должно быть рукопожатье, ласкающее, любящее... Я понимаю теперь, почему, несмотря на мою ненависть, я не могла ненавидѣть!... То, что вы сдѣлали, было гораздо труднѣе того, что сдѣлала я, потому что это было жестоко... И когда я думаю о томъ, что прошло, я вижу, что это вы, вы, отецъ, перенесли испытаніе, наиболѣе тяжелое и наиболѣе достойное награды...

Мерлинъ. Нѣтъ, наиболѣе достойное награды испытаніе не принадлежитъ къ тѣмъ, какія ты знаешь... Оно останется тайной моего сердца, любяшаго васъ и соединяющаго васъ въ себѣ... Оно проситъ у васъ, дѣти мои, замѣнить эту глубокую тайну счастьемъ, давъ ему только мгновенье вашей радости и поцѣлуй, немного болѣе продолжительный, чѣмъ тотъ, какой дарятъ мимоходомъ удаляющимся старцамъ...

Лансворъ, обнимая его. Отецъ!...

Жуазель, также обнимая его. И мой отецъ!...

Аріэль, подходя къ тѣсно обнявшейся группѣ. Никто не видитъ меня, и никто не помнитъ обо мнѣ и не даритъ мнѣ ни малѣйшей любви, вызванной моими невидимыми руками изъ бережливыхъ рукъ дней и годовъ...

Мерлинъ, улыбаясь. Я вижу тебя, Аріэль, ты любишь насъ всѣхъ троихъ, но Жуазель ты должна поцѣловать горячѣе, чѣмъ насъ... Подойди, ты можешь поцѣловать ее,

испытаніе кончилось и въ моемъ старомъ сердцѣ... Еще немного времени, и мы будемъ далеки отъ нея и отъ любви...

Аріэль медленно пѣлуетъ Жуазель.

Жуазель. Что вы сказали, отецъ, и съ кѣмъ вы говорите?... Миѣ кажется, что цвѣты, которыхъ я не могу сорвать, касаются моего чела и ласкають мои уста...

Мерлинъ. Не отклоняйся отъ нихъ, они печальны и чисты... Это моя бѣдная Аріэль ласкаетъ тебя, это моя невидимая дочь, добрая фея этого острова, она открыла васъ и покровительствовала вамъ. Она хочетъ въ послѣдній разъ принять участіе въ нашей великой любви и проситъ удѣлить ей часть, такую же скромную, какъ она сама, того счастья, которымъ вы ей обязаны...

Жуазель. Гдѣ она?... Я вижу около себя только васъ и Лансеора...

Мерлинъ. Ты думаешь, дитя мое, мы видимъ все, что живетъ въ глубинѣ нашей жизни?... Будь ласкова и добра съ бѣдной Аріэль... Она дастъ тебѣ прощальный поцѣлуй, прежде чѣмъ удалиться и скрыться со мной въ мѣстахъ, гдѣ по волѣ рока должна закончиться моя судьба...

Лансеоръ. Скрыться съ вами?... Отецъ, я не понимаю...

Мерлинъ. Не будемъ спрашивать тѣхъ, кому больше нечего сказать... Теперь все опредѣлено... Благодаря милости невѣдомыхъ боговъ я могъ составить счастье двухъ сердецъ, самыхъ дорогихъ для меня, но я ничего не могу и вы ничего не можете сдѣлать для моего личнаго счастья... Я иду къ моей судьбѣ и иду молча, чтобы не опечалить

этотъ счастливый часъ, принадлежащій только вамъ... Я знаю, что ждетъ меня и все-таки иду..

Жуазель. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, отецъ, вы не уйдете!... Мы съ вами и если опасность какая нибудь, которой мы не можемъ видѣть, грозитъ вашей старости, мы попытаемся по крайней мѣрѣ облегчить боязнь ея... Когда трое любящихъ подвергаются несчастью, оно становится ношей любви, которую несутъ съ радостью...

Мерлинъ. Нѣтъ, моя Жуазель, все будетъ бесполезно... Пусть боги даруютъ людямъ только такія счастливья муки, какими были ваши!... Но не всѣ сокровенныя желанія жизни такъ ясны и такъ добры... Но мы напрасно говоримъ о томъ, что предопредѣлено... Я еще здѣсь, въ объятіяхъ тѣхъ, кто меня любитъ... День моего страданія еще не наступилъ... Будемъ наслаждаться нашимъ часомъ съ тихой грустью, которая слѣдуетъ за большими радостями, прислушиваясь, какъ бѣгутъ и проходятъ одна за другой минуты любви, и освѣщенные неяснымъ свѣтомъ ночного свѣтила, обнимемъ другъ друга, чтобы быть еще счастливѣе... Познать остальное еще не дано людямъ.

К о н е ц ъ .